

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

ИГРА ПОДСКАЗЧИКА

Игра никогда не заканчивается...

Звезды мирового детектива

Донатто Карризи

Игра Подсказчика

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Карризи Д.

Игра Подсказчика / Д. Карризи — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-17157-2

«Игра Подсказчика» – новый бестселлер Донато Карризи, короля итальянского триллера. Поздно вечером в полиции раздался звонок. Перепуганная женщина сообщила, что перед их домом стоит странный незнакомец, и попросила о помощи. Полицейский патруль, добравшийся на ферму лишь спустя несколько часов, обнаружил, что пол и стены залиты кровью. Обитателей дома постигла печальная участь, но где тела жертв и кто убийца?.. Есть только один человек, способный раскрыть таинственное преступление, это Мила Васкес, но она больше не служит в полиции. Стремясь обрести покой, она поселилась с дочкой Алисой в домике на берегу озера. И все же ей приходится ввязаться в жестокую игру, игру, которую ведет Подсказчик, загадочный персонаж, превращающий людей в марионеток, исполняющих его волю. Она уже сталкивалась с ним, расследуя дело об исчезнувших девочках. Мила Васкес принимает вызов. Слишком многое поставлено на карту, в том числе жизнь ее дочери... Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-17157-2

© Карризи Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Энигма	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Донато Карризи

Игра Подсказчика

Donato Carrisi IL GIOCO DEL SUGGERITORE

Copyright © Donato Carrisi 2018

All rights reserved

© Donato Carrisi 2018

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление

Антонио, моему сыну, продолжающему меня

Луиджи Бернабо, моему другу

Звонок в полицию был зарегистрирован 23 февраля в 19:47. Женщина звонила с сотового и взволнованным тоном просила выслать патрульную машину к ферме, расположенной на отшибе, километрах в пятнадцати от города.

В тот момент над всем регионом бушевала неистовая буря.

На вопрос оператора о причине звонка женщина ответила, что какой-то мужчина вторгся на их участок. Стоит перед домом, под дождем, в темноте. Муж вышел, чтобы убедить его уйти по-хорошему, но пришелец ничего знать не хочет.

Стоит и молча смотрит на дом.

Женщина не смогла описать незнакомца: с того места, где она находилась, учитывая сплошную пелену дождя, она едва могла разглядеть его при вспышках молний. Сообщила только, что он приехал на старом зеленом фургоне, и сказала напоследок, что обе дочери напуганы.

Оператор записал адрес и заверил, что непременно кого-нибудь отправит посмотреть, в чем дело, но предупредил женщину, что из-за неблагоприятных погодных условий поступило очень много вызовов по поводу дорожно-транспортных происшествий и подтоплений. Поэтому придется запастись терпением.

Первая патрульная машина освободилась только в пять утра – через девять часов после звонка. Полицейские довольно долго добирались до фермы еще и потому, что ночью река вышла из берегов и дорогу в нескольких местах размывало.

Перед патрульными, прибывшими на место, когда уже начинало светать, предстала вполне мирная сцена.

Типичный дом в колониальном стиле, деревянный, выкрашенный белой краской, рядом погреб для хранения яблок. Гигантский сикомор отбрасывал тень на площадку перед домом. Игрушечная лошадка возле веранды, два розовых велосипеда у сарая с инструментами. На ярко-красном почтовом ящике надпись: СЕМЬЯ АНДЕРСОН.

Ничто не предвещало беды. Разве только тишина, нарушаемая лишь непрерывным лаем дворняжки, которая металась перед будкой на длинной привязи.

Полицейские громко позвали обитателей дома, но ответа не получили. Поскольку в доме, по-видимому, никого не было, они решили, что съездили понапрасну. Только из чувства долга, перед тем как развернуться и уехать, один из них поднялся на крыльцо, чтобы постучать в дверь. И обнаружил, что она не заперта. Заглянув внутрь, заметил страшный беспорядок.

Запросив по рации разрешения, полицейские вошли в дом, проверить, что там происходит.

Они увидели опрокинутые столы и стулья, разбросанную домашнюю утварь, плотный ковер из осколков стекла на полу. Но на верхнем этаже все было еще хуже.

Повсюду кровь.

Красная, уже засохшая, она пропитала подушки и простыни в спальне. Брызги попали на вещи из обыденной жизни – на домашние тапочки, на щетку, на кукол в детской. Виднелись длинные полосы на полу, отпечатки рук на стенах: знаки отчаянных попыток к бегству. Зрелище резни. Но полицейских больше озаботило то, чего они не нашли.

Отсутствовали тела.

От четырех членов семьи, отца, матери и восьмилетних девочек-двойняшек, живших в этом доме, остались только фотографии, вставленные в рамки или прикрепленные к стенам. С этих снимков улыбающиеся Андерсоны, вероятно, взирали на собственное убийство.

К восьми утра ту отдаленную сельскую местность наводнили полицейские.

Пока поисковые команды с собаками, натасканными на обнаружение трупов, исследовали окрестности, не пропуская ни малейшей рытвины или пригорка в надежде найти останки, эксперты-криминалисты изучали хаос внутри дома, пытаясь воссоздать произошедшее.

Одновременно была предпринята полномасштабная охота на человека.

Внимание сконцентрировалось на незнакомце, о котором вкратце рассказала по телефону госпожа Андерсон. О нем только и было известно, что это мужчина. Ни описания, хотя бы самого общего, ни какой-то приметы, которая пригодилась бы для опознания.

Единственная информация, бывшая в распоряжении полиции, – старый зеленый фургон, о котором упомянула женщина. Но и этот след вряд ли мог куда-нибудь привести, поскольку ни номера, ни марки машины женщина не назвала.

Еще до полудня скудная информация о том, что произошло и еще могло произойти, просочилась в СМИ. Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить любопытство публики.

К вечеру Карл, Фрида и малышки Эуджениа и Карла из обыкновенной, ничем не примечательной семьи превратились в героев хроники, державшей в напряжении миллионы людей по всей стране.

Тайна исчезнувшего семейства.

Интерес к истории подогрел тот факт, что Андерсоны переехали в деревню, отказавшись от достижений технического прогресса. У них не было ни электричества, ни Интернета, ни даже телефона. Единственное исключение – сотовый для чрезвычайных ситуаций, с которого и впрямь был совершен только один звонок, с просьбой о помощи.

Несколькох зловещих подробностей дела, вкупе с уверенностью в том, что монстр до сих пор разгуливает на свободе, оказалось достаточно, чтобы среди людей распространился страх, слепой и нерассуждающий. Людьми овладела тревога, каждый боялся, что случившееся может повториться. Общество требовало быстрого завершения расследования, то есть, само собой, задержания виновного.

Но у полиции не было ничего, кроме простых очевидных фактов. Несмотря на задействованные силы, единственный вывод, к которому пришло следствие, заключался в том, что убийца использовал зеленый фургон, чтобы вывезти трупы – бог знает куда и зачем.

Слишком мало, чтобы надеяться на скорое завершение дела.

Следователи полагали, что преступник, вторгшийся в дом Андерсонов, скорее всего, избавился от машины, но все-таки предпринимали попытки найти подозрительный автомобиль на записях с дорожных видеокамер, сделанных в определенном интервале до и после звонка госпожи Андерсон. Они рассчитывали на то, что такую устаревшую модель легко заметить. Была также выделена специальная линия, по которой принимались сообщения о старом

семейном фургоне зеленого цвета. Как можно было легко вообразить, от горожан поступило множество звонков, большей частью ни на чем не основанных.

Кроме одного.

Ближе к вечеру некто неизвестный указал на присутствие зеленой машины «фольксваген-пассат» в районе старой скотобойни: она стояла в помещении пустующего склада. Когда полицейские с командой кинологов отправились проверить этот автомобиль, они увидели через окна обильно залитые кровью сиденья.

Открыли вместительный багажник, готовые к ужасной находке, но там, как и в доме, не было и следа трупов.

Когда полицейские начали огораживать новое место преступления, чтобы там могли спокойно работать эксперты-криминалисты, собаки вдруг принялись истошно лаять.

Они кого-то унюхали на скотобойне.

Меньше чем за полчаса весь квартал оцепили. Чуть позже прибыло спецподразделение. Началась полномасштабная операция с участием десятков человек, экипированных по последнему слову техники. Они разделились на группы, прочесывая каждое помещение, каждое возможное укрытие. Топот ног, обутых в тяжелые ботинки, лай собак и крики спецназа гулким эхом отдавались в этих заброшенных местах. Наконец один из агентов сообщил по рации, что «на четвертом этаже кто-то есть». И все бросились к указанному месту.

В темной комнате, среди остовов старых компьютеров и других электронных устройств, пришедших в негодность, стоял человек.

Стоял неподвижно, лицом к стене из черных мониторов. На нем не было одежды. Он поднял руки, сдаваясь, и медленно повернулся к полицейским, которые целились в него из автоматов и слепили мощными фонарями.

Кроме необычного убежища, где этот человек скрывался, полицейских поразили еще два момента. Его возраст нельзя было определить. И все его тело было покрыто татуировками, включая лицо и гладкий череп.

Числа.

Человек не оказал сопротивления, позволил надеть на себя наручники, не сказав ни слова. Рядом с ним валялся маленький серп, испачканный кровью. Вероятно, оружие резни.

Задержание основного подозреваемого произошло всего лишь через двое суток после звонка госпожи Андерсон с просьбой о помощи. Хотя вначале следователи пребывали в замешательстве, дело было раскрыто неожиданно быстро – пусть даже с помощью анонимного звонка.

Начальник полиции публично поблагодарил безымянного гражданина, оказавшего содействие правосудию, и перед лесом микрофонов объявил о том, что очередная битва со злом завершилась победой. Ужасная смерть Андерсонов для всех осталась в прошлом, хотя трупы так и не были найдены. Ведь с арестом человека, покрытого татуировками, порядок и спокойствие были восстановлены – и обыватели могли вздохнуть с облегчением.

Следствие завершилось, и, как водится, настало время сочувствовать жертвам, возносить молитвы за них, где бы они ни находились.

Никто и вообразить не мог, что самое страшное еще предстоит.

Энигма

1

Письмо пришло в свой срок, как всегда, в феврале.

Всякий раз его содержание было практически одним и тем же. Ее ставили в известность, что клиническая картина не изменилась и что в данный момент невозможно строить какие-либо прогнозы на будущее. Послание, кто бы его ни составлял, всегда заканчивалось одной и той же фразой:

«Общее состояние пациента по-прежнему представляется необратимым».

Этой фразой ненавязчиво предлагалось принять решение: продлить еще на год процедуры по искусственному дыханию и искусственному кормлению или раз и навсегда положить конец этой растительной жизни.

Мила сунула письмо в ящик стола и взглянула в окно кухни, на открывавшуюся панораму. Заходящее солнце отбрасывало на воды озера странный сероватый отблеск, и Алиса на лужайке среди деревьев, близ пристани, гонялась за опавшими листьями, уносимыми ветром. Зима была в разгаре, и с лип, обступивших дом, листва давно облетела. Откуда только взялись эти сухие листья – разве что из густого леса, обрамлявшего чистое зеркало зеленоватых вод.

На Алисе был теплый свитер, длинный шарф развевался по ветру вместе с рыжими волосами. Ее дыхание паром застывало в воздухе, но девочка казалась счастливой. Мила тем временем наслаждалась домашним теплом. Она готовила на ужин тушеные овощи, а в духовке поспевал яблочный пирог, от которого вся кухня пропахла сахаром и корицей. В последние месяцы она открыла в себе способности, о которых раньше не подозревала. В прежние времена Мила считала, что еда – всего лишь способ снабжать организм энергией, теперь она даже обрела способность извлекать из продуктов вкус. Алиса наверняка дивилась этому не меньше Милы, ведь прежде она практически не показывалась на кухне.

За последний год многое изменилось. Речь шла не просто о новых привычках: началась новая жизнь.

Во время своего последнего расследования Мила подвергалась серьезной опасности.

Мысль о том, что она может погибнуть на службе, до сих пор не слишком ее тревожила. Каждый полицейский осознанно идет на такой риск. Но, приблизившись к последней черте, она по-другому взглянула на проблему. Перед ней внезапно возник совершенно банальный вопрос, которым, однако, она до сих пор никогда не задавалась.

Если она умрет, что будет с Алисой? Девочке и так нелегко расти без отца.

Отсюда явилось и созрело решение уйти в отставку. Теперь, казалось, прошла целая вечность с тех пор, как Мила Васкес полностью посвящала себя своему призванию: поиску людей, пропавших без вести.

Она никогда не считала себя обычным сотрудником полиции. Она, собственно, никогда не была и обычным человеком, иначе не выбрала бы для себя такое занятие – охотиться за теньями.

К семнадцати годам Мила поняла, что она – другая: в отличие от всех своих знакомых она никогда ни к кому не испытывала сочувствия. Многие годы она стыдилась этого, это мешало ей завязывать отношения,ставляло в невыгодном свете. Когда наконец, лет в двадцать пять, она набралась смелости и поговорила с психиатром, тот дал определение ее расстройству: *алекситимия*. Что-то вроде эмоциональной безграмотности. Мила не была способна испытывать к

окружающим какие-то чувства и не была в состоянии распознавать и описывать собственные ощущения. В конечном итоге никаких чувств у нее как будто и не было.

Люди называют это «душевым холодом».

Со временем она поняла, откуда взялся такой темный дар. Мила осознала, что она представляет собой портал, тайную дверцу в другое измерение, сотканное из сумерек и зла. Этот проход, единожды отворенный, уже невозможно закрыть.

Я пришла из тьмы. И во тьму время от времени должна возвращаться.

В полицейской работе такая ее особенность очень помогала, позволяя рассматривать каждое дело трезво и отстраненно. В частности, чрезвычайно полезной она оказывалась при поисках пропавших без вести детей и подростков: в таких случаях повышенный градус эмоциональной вовлеченности только мешал, препятствуя объективному восприятию: коллеги часто поддавались искушению бросить все, только бы не сталкиваться с ужасной реальностью, которая ожидала их в конце расследования.

Мила все это знала: искать пропавшего ребенка – все равно что следовать за черной радугой. И в конце тебя встретит не кубышка с золотом, а безмолвный монстр, до отвала напившийся невинной крови.

Алекситимия была для нее проклятием, но также и броней. Но за это нужно было платить.

Неспособность к сочувствию опасно сближала ее с монстрами, которые, не зная жалости, питаются страданиями жертв. Чтобы отличить себя от них, Мила часто втайне прибегала к лезвию бритвы. Резала себя, чтобы хоть так почувствовать чужую боль. По сути, шрамы, испещрявшие ее тело, свидетельствовали о попытках отождествить себя с пропавшими без вести, которых она искала, испытать к ним сочувствие, вступить в контакт. Телесная боль заменяла душевную, избавляла от чувства вины, которое неизменно сопутствовало безразличию.

Тем самым Миле не было дано стать матерью, ни хорошей, ни плохой. Она просто не располагала такими способностями. Она заботилась об Алисе так, как ухаживала бы за цветком в горшке. И все-таки занималась дочерью, как могла – в пределах, доступных для нее, разумеется.

Но теперь все это осталось в прошлом.

Примерно год назад Мила решила, что пришел момент растопить лед в сердце, превозмочь душевный застой. Она сняла этот домик на озере и бежала от мира вместе с Алисой.

Это далось нелегко. Им пришлось привыкать друг к другу. Но мало-помалу обе обнаружили, что они вовсе не чужие люди. Хотя Мила часто боролась с искушением запереться в ванной наверху, развернуть одно из лезвий, спрятанных в шкафчике за зеркалом, и полоснуть в очередной раз по покрытому шрамами телу. Чтобы вместе с кровью вышел на поверхность душевный трепет, позволявший ей еще причислять себя к человеческому роду. Ибо иногда она в этом сомневалась.

Сегодня, в конце февраля, студеной вечерней порою, Мила смотрела, как дочка одна резвится на лужайке, и невольно задавалась вопросом, что именно Алиса унаследовала от нее. Девочке исполнилось десять лет. Еще немного – и гормональные бури перевернут все ее существование. Невинные забавы будут отвергнуты без сожаления, осознанно и немилосердно. И она, как все, мгновенно забудет, что это значит: быть ребенком. Хотя, как это прекрасно известно взрослым, будет всю оставшуюся жизнь тосковать по детству.

Но мать девочки волновало совсем другое.

Мила боялась, что вместе с отрочеством дочку настигнет душевный холод, как это случилось с ней самой. Ученые пока не располагали доказательствами, что алекситимия передается по наследству, но практика показывала, что это вполне вероятно. Правда, могло оказаться, что Алиса пошла в отца, но этого Мила тоже не могла принять.

Только не в него. Не в него, твердила она, вспоминая письмо из больницы.

Мила никогда не произносила его имени. Даже вспоминать это имя было зазорно. Алиса и та не называла имени отца.

Словно привлеченная взглядом матери, девочка обернулась. Мила через окно замахала ей рукой, призывая вернуться в дом.

– На дереве – дупло с бельчатами, – сообщила продрогшая Алиса, едва переступив порог.

Мила набросила ей на плечи плед: погода стояла сырая, промозглая. Другая мать согрела бы дочку в своих объятиях. Но у Алисы не было другой матери, только она.

– Никаких следов Финци? – спросила Мила.

Алиса пожалала плечами.

То, что девочка так равнодушно восприняла недавнее исчезновение кошечки, беспокоило Милу. Может быть, это признак алекситимии?

– Что у нас на ужин? – спросила Алиса, чтобы сменить тему.

– Тушеные овощи и яблочный пирог.

Алиса взглянула на нее с интересом:

– Если я поем овощей, можно будет взять кусок пирога в берлогу?

Берлогой называлась палатка из одеял, которую Алиса соорудила себе на верхней площадке лестницы. Она проводила там много времени, читала с фонариком, слушала музыку на старом айпоне – в последнее время девочка пристрастилась к Элвису Пресли.

– Там поглядим, – отвечала Мила – она предпочитала неукоснительно соблюдать правила домашнего распорядка, и ее трудно было сбить с намеченного курса.

– Как ты думаешь, он приедет в эти выходные?

Вопрос поставил Милу в тупик. Раньше девочка редко спрашивала о *нем*, но за последний месяц это случилось уже в третий раз. Непонятно почему, Алиса вбила себе в голову, что отец приедет их навестить. Мила объясняла ей, что это невозможно, что ее отец уже много лет в коме и уже никогда не очнется. По крайней мере, в этой жизни. Разве что, может быть, в аду. Но Алиса упорно воображала, что он рано или поздно объявится и они смогут проводить время вместе, как настоящая семья.

– Это невозможно, – повторила Мила в который раз, видя, как исчезает из глаз дочери веселый блеск.

Плотнее закутавшись в плед, Алиса уселась в старое кресло перед разожженным камином. Она никогда не упрячилась.

Миле было известно такое, чего она предпочла бы не знать; такое, о чем лучше не ведать никому. Нечто невыразимое о человеческих существах. О том зле, какое люди творят со своими ближними. И Алиса не должна догадаться, что к садистам относится также ее отец: она еще до этого не выросла.

Мила, бывший агент полиции, давно решила, что расскажет дочери о преступлении, с которым было связано ее появление на свет, как можно позже: пусть пока остается в неведении, подальше от мира с его жестокостью.

Мила должна ее защитить.

Портал, выходящий в измерение тьмы, она закрыть не могла, но зато сожгла все мосты, соединявшие ее с прошлым. Хотя пистолет всегда лежал в ящике прикроватной тумбочки, Миле уже не нужно было отправляться на охоту.

Она была убеждена, что если сама больше не пойдет во тьму, то и тьма не придет за ней.

Но именно в тот момент, когда эта мысль оформилась в слова, взгляд уловил едва заметное изменение в пейзаже за окном. Солнце почти село, но его слабый луч отразился от ветрового стекла неизвестного темного лимузина, мчащегося по дороге вдоль озера.

Мила ощутила знакомое покалывание в ложбинке у шеи. И предчувствие того, что неожиданный визит принесет одни неприятности.

Лимузин с тонированными стеклами остановился на площадке перед домом, рядом с «хендаем» Милы. Мотор продолжал работать.

Из высокого окна Мила наблюдала за сценой: несколько секунд ничего не происходило. Потом задняя дверца открылась, и из автомобиля вышла Джоанна Шаттон.

Сделала знак водителю, который ее сопровождал, чтобы тот оставался в машине. Поправила длинные светлые локоны, струившиеся по плечам поверх пальто из верблюжьей шерсти. И по лужайке направилась к двери, чуть пошатываясь, поскольку шпильки застревали во влажной земле.

Если сама Судья взяла на себя труд лично явиться сюда, дело серьезное, подумала Мила Васкес.

У Джоанны Шаттон была при себе небольшая папка.

Аромат духов донесся с порывом ветра, облаком вплыл в дом, стоило Миле открыть дверь. На какой-то миг ей стало неловко принимать такую гостью в комбинезоне и махровых носках.

Шаттон смерила ее уничтожающим взглядом и выдавила из себя улыбку.

– Не собиралась просто так нагрянуть к тебе, – заявила она вместо оправдания. – Я бы предупредила, что собираюсь приехать, но мы не нашли твоего нового номера телефона.

– У нас телефона нет.

Судья посмотрела на нее так, будто услышала непристойную брань, но от комментариев воздержалась.

Мила же продолжала стоять в дверях. Хотела сразу обозначить границу между прежней жизнью и жизнью нынешней, дать понять, что не так-то легко переступить черту.

Несколько секунд Шаттон выдерживала ее ожесточившийся взгляд. Начальница Управления федеральной полиции была женщиной твердой и никому не позволяла перечить себе. Но была также и достаточно умной, чтобы понимать, когда следует пойти на компромисс. Ее называли «Судьей» еще и поэтому.

– Я проделала долгий путь, Васкес. Может, хоть чаем меня угостишь, прежде чем выпроводить?

Мила пристально взглянула на нее. Решила, что выслушает все, что Шаттон собирается сказать, но дала торжественную клятву, что не даст себя завлечь в очередное дело и после чаепития отправит гостью туда, откуда она явилась.

Потом погасила газ под тушившимися овощами и, поскольку ужин пришлось отложить, накрыла кастрюлю крышкой. Вынула яблочный пирог из духовки и поставила остывать на подоконник. Затем отправила Алису наверх.

– Почему мне нельзя остаться? – возмутилась та. У них никогда не бывало гостей, и неожиданный приезд незнакомки был чем-то новым, заманчивым.

– Потому что ты должна принять горячую ванну, – распорядилась мать. – Тебе завтра в школу.

– Можно, я перед ванной в берлоге немного послушаю Элвиса?

– Ладно, – разрешила она, ведь главное – устроить так, чтобы Алиса не слышала того, с чем приехала Шаттон.

Разрешив эти мелкие проблемы, Мила вернулась к Судье с чашкой горячего чая. Та, отпив глоток, тут же поставила чашку на столик перед диваном. Таинственную папку, все еще закрытую, положила рядом.

– Красиво тут у тебя, – заметила она, оглядываясь вокруг.

В камине потрескивал огонь, озаряя простую деревенскую обстановку волшебным янтарным светом.

– Мой отец увлекался рыбалкой, у него был домик на озере, и нам с сестрой в детстве приходилось проводить в лесной глуши нескончаемые выходные.

Мила просто не могла себе представить Шаттон в брюках и туристских ботинках. Может, она и подчеркивала так свою женственность потому, что ее отец всегда хотел сына, мальчика.

– Мы на рыбалку не ходим, мы с дочерью вегетарианки.

Этот выпад Судья оставила без ответа. Мила молча смотрела на нее, спрашивая себя, долго ли Шаттон будет тянуть время, прежде чем перейти к делу, ради которого приехала.

– Знаешь, меня просто ошеломило твое решение все бросить, – продолжала Судья как ни в чем не бывало. – Я думала, что такие полицейские, как ты, не в состоянии оставаться в стороне.

– Вам в Управлении меня не хватает? – спросила Мила с вызовом: теперь она могла даже и дерзость себе позволить.

– Многим не понравился твой уход.

– Только не вам.

– Именно, – призналась Шаттон, нисколько не чинясь.

Даже не смотрит на папку, отметила Мила. Продолжает ходить вокруг да около, потому что не может себе позволить уехать ни с чем. Любопытно, как она будет действовать.

– Не вижу у тебя телевизора, – сказала Судья, оглядывая кухню.

Мила затрясла головой: мол, в самом деле, его нет.

– Нет даже подключения к Интернету? – изумилась Шаттон.

– У нас есть книги. И радиоприемник.

– Тогда ты слышала новости за последние два дня.

Прежде чем Мила успела что-то сказать, Шаттон назвала имя.

– Андерсон... Тебе что-то говорит эта фамилия?

– Вы взяли татуированного типа, я думала, дело закрыто.

Судья положила ногу на ногу, слегка улынувшись.

– На месте преступления и в машине подозреваемого достаточно крови, чтобы предположить резню, – изрекла она с нарочитым апломбом. – То, что при нем нашли оружие расправы, облегчило задачу прокурору: он без колебаний выдвинул обвинение в убийстве нескольких человек.

– Стало быть, никакой адвокат не вытащит вашего арестанта из передраги, в которую он попал по своей вине. – Мила решила раз навсегда покончить с вопросом. – Что же тогда беспокоит вас?

– Все не так просто, – пояснила Шаттон. – В том месте, где мы его схватили, была раскладушка, какая-то одежда, походная плитка и консервы. Он жил бомжом среди останков старых компьютеров. Поэтому, а еще из-за чисел, он получил в СМИ прозвище Энигма: так называлась шифровальная программа для самого первого поколения электронно-вычислительных машин.

– Где он их взял?

Вопрос Милы выбил Шаттон из колеи.

– Взял – что?

– Компьютеры.

– Какая разница где? Подобрал там и сям, на помойках, в заброшенных конторских помещениях старой скотобойни: там, похоже, образовалась настоящая свалка разной аппаратуры. – Шаттон еще отхлебнула чаю, чтобы успокоить нервы. – СМИ хотят раздуть из этого историю, но я не допущу, чтобы какой-то псих вроде тех, что ходят в жестяных шляпах, чтобы инопланетяне не прочитали их мысли, стал знаменитостью.

Бывший агент Васкес сразу уловила, что Шаттон так и не добралась до истинной проблемы. Что-то другое заботило начальника Управления.

– Вы не знаете, кто это, верно?

Судья кивнула.

– Никаких совпадений в банке данных – ни по отпечаткам пальцев, ни по ДНК. Но настоящая тайна в другом: после того как распространились сведения о татуировках, никто не вызвался его опознать. Более того, никто никогда его не видел – можешь ты в это поверить? – Шаттон разволновалась. – Как человек, покрытый цифрами с головы до ног – включая подошвы и ладони, – мог оставаться никем не замеченным? – Она стала перечислять. – Никто никогда не видел его и не сфотографировал даже случайно. В камеры видеонаблюдения, которые сейчас на каждом углу, он ни разу не попал. Никаких его следов нет нигде, кроме склада, где мы схватили его после анонимного звонка. Откуда он явился? Почему прятался там? Где брал все необходимое? Как, черт бы его побрал, доставал себе еду? Как умудрялся оставаться невидимым все это время?

– Он, конечно же, молчит, – предположила Мила.

– С тех пор как мы его обнаружили, не произнес ни слова.

– Значит, есть риск, что тела Андерсонов так и не будут найдены...

Шаттон на несколько секунд смолкла. Ее молчание означало, что Мила попала в цель.

– Эти числа – наша единственная зацепка, – признала Судья.

Она наконец взяла папку, открыла ее и стала раскладывать на столике перед Милой фотографии татуированного тела, все более и более детальные.

– Мы выяснили, что он сам наносил себе татуировки. По состоянию чернил также выяснили, что он это делал постепенно, на протяжении некоторого времени... Сейчас пытаемся понять, скрыт ли в этих последовательностях цифр какой-то смысл, или все это – плод нелепого наваждения.

Шаттон всячески пытается выдать его за сумасшедшего, догадалась Мила, но опасается, как бы реальность не оказалась куда страшнее.

– Кто-нибудь сделал попытку составить психологический профиль? – У бывшего агента полиции невольно вырвался этот вопрос, она сама удивилась звуку собственного голоса. Она ведь поклялась, что не позволит себя вовлечь, но на мгновение инстинкт охотника возобладал.

Сочтя эту маленькую уступку очком в свою пользу, Шаттон поспешила ответить:

– Он оставил множество следов, в правомерности обвинения сомневаться не приходится: все указывает на неорганизованного субъекта, который действовал под влиянием порыва... Но он донельзя холоден, бесстрастен, он *контролирует ситуацию*. И так смирно, так спокойно ведет себя, что можно подумать, будто он все это предвидел с самого начала; и пока мы прилагаем все усилия, пытаюсь хоть что-то понять, просто смеется над нами.

Мила взглядела в фотографии, разбросанные по столу, хотя в руки брать не стала. Числа, из одной, максимум из двух цифр, покрывали каждый миллиметр кожи. Они были разного размера. Одни меньше, другие больше или четче прорисованы.

В этих операциях, осуществлявшихся годами, просматривался какой-то метод, некое тщание, внушающее беспокойство. Нет, это не простой психопат, решила про себя Мила. Мгновенный холодок пробежал у нее по спине.

– Зачем вы явились ко мне? – спросила она, отрывая взгляд от фотографий, словно пытаясь отделаться от них. – Не понимаю, чем я могу быть полезна.

– Послушай, Васкес...

– Нет, я не стану слушать, – взбунтовалась Мила, пресекая в зародыше всякие уговоры. – Понимаю, что у вас на уме: вам нужен кто-то, кто поможет найти тела Андерсонов. Может быть, специалистка по розыску без вести пропавших, давно ушедшая в отставку: даже если у нее ничего не выйдет, это не повредит репутации Управления. – В самом деле, оперативница, чудом избежавшая смерти во время последнего дела в своей карьере, как нельзя лучше послужит для СМИ отвлекающим фактором. Милу от этого тошнило. – Вам уже должно быть ясно, госпожа Шаттон, что я вам помогать не стану. Потому что я навсегда покончила с этим дерьмом.

– Я здесь не затем, чтобы просить тебя найти Андерсонов, – невозмутимо отозвалась Судья.

Мила осеклась.

– Я приехала сюда потому, что, вероятно, ты единственная можешь открыть нам, кто такой Энигма.

Мила не знала, что и сказать. А Шаттон принялась рыться в фотографиях.

– Среди вытатуированных чисел мы обнаружили одно слово. На левой руке, среди мешанины цифр, в потайном месте, в локтевой впадине, написано вот что...

Найдя нужную фотографию, Судья протянула ее Миле. Та, немного поколебавшись, взяла ее в руки и онемела.

Четыре буквы. Имя. Ее имя.

2

Зная, что заснуть не получится, Мила провела ночь, скорчившись на том же диване, с которого несколько часов назад Джоанна Шаттон бросила ей в лицо ненавистную правду:

– Вероятно, ты единственная можешь открыть нам, кто такой Энигма.

Отголоски этих слов все еще звучали в доме.

– Тебе не нужно будет с ним встречаться, – уверяла Судья. – Ты просто выслушаешь полный отчет обо всем, что мы о нем знаем, и поделишься своими соображениями: говорит тебе это о чем-либо или нет; потом с чистой совестью забудешь об этой истории.

– Почему вы так уверены, что татуировка означает мое имя, а не что-нибудь другое? – запротестовала она. – «Мила» может означать тысячу разных вещей, ведь насчет чисел вы тоже не можете пока сказать ничего конкретного.

– Возможно, мы ошибаемся, но должны попытаться.

Воззвав к ее чувству долга, Шаттон достигла цели.

Мила наблюдала, как пламя в камине постепенно затухает, пока оно не угасло совсем, оставив ее наедине с давно знакомым холодом.

В объятый тишиной дом проникал приглушенный шум леса. Ветер раздвигал кроны деревьев, прокладывая себе дорогу, а издали доносилась ленивая мелодия волн, чередой набегавших на берег озера.

Алиса, почуяв неладное, разволновалась. Мила ощущала свою вину. Поэтому разрешила ей лечь спать в берлоге из одеял, в окружении плюшевых зверушек с их умильными улыбками, захватив с собой фонарик, любимые книги и айпод с Элвисом.

Тьма явилась за ней. И Мила должна была принять решение, которое касалось также и дочери. Решение, которое позволило бы вернуться назад.

До сих пор все шло так хорошо: зачем только она открыла дверь Судье? Вместе с ней Мила впустила в дом нечто безымянное, то, что питается злобой, жиреет от криков невинных жертв и, уж конечно, внедрившись куда-либо, не желает покидать это место. Вот и сейчас Мила ощущала присутствие, тень среди теней, которыми наполнилась комната. И не знала, как ее выгнать вон.

Безымянный злодей, свершивший расправу над Андерсонами, вытатуировал на себе ее имя.

Одна мысль об этом доставляла мучение. Не столько смысл такого поступка волновал ее, сколько действие само по себе, знак, оставленный на коже. Сколько раз и Мила тоже резала свое тело, пытаясь извлечь из себя какое-то человеческое чувство, испытыв боль, приблизиться к милосердию и состраданию, чуждым ей от природы. Сходство или, того хуже, сродство с монстром ужасало ее.

Это не может быть случайностью. *Он знает.* Поэтому и пытается впутать ее?

Вопросы и сомнения вихрем проносились в уме. Внутренний голос призывал бросить все, забыть речи Шаттон и эту историю, вновь погрузиться в полное уединение, которое она избрала для себя и дочери, и продолжать свою новую жизнь. Ведь никто не может заставить ее ехать в город, чтобы раскрыть то, что таится под загадкой Энигмы.

Ибо Мила была уверена: эта татуировка – призыв.

Я не позволю себя одурачить, твердила она. Мысль о том, что ей предстоит иметь дело с тем человеком, даже не встречаясь с ним лично, приводила в смятение.

Но другая ее сторона, глубоко скрытая в подсознании, подталкивала Милу в противоположном направлении: надо пуститься в путь и раскрыть подоплеку.

Хочу раздвинуть занавес, заглянуть за кулисы, посмотреть в глаза фокуснику и разоблачить трюк.

То был темный зов, Мила это ясно ощущала, но, несмотря на все усилия, не могла отрешиться от него. Пусть у нее получалось справляться со своей второй природой, окончательно ее обуздать Мила была не в состоянии.

Рассвет рассеял вместе с тенями и последние попытки сопротивления. Несмотря на долгую ночь, Мила мыслила трезво и понимала, что бесполезно игнорировать призыв Энигмы, что эта история так или иначе сгонит ее с насиженного места, выкурит из надежного гнезда, которое она ценою стольких усилий выстроила на берегу озера, убежища уютного, закрытого со всех сторон, как берлога Алисы. Уж лучше выйти навстречу тому, что надвигается.

Она убеждала себя, что делает это также ради Андерсонов, ведь нужно помочь найти их тела, чтобы предать достойному погребению. Но в глубине души знала, что это не так. Ее влекла сама тайна, в которую предстояло проникнуть. Не ради славы – а из абсурдной уверенности, что, если она примет вызов тьмы и тьму одолеет, мир станет более безопасным местом, для ее дочери в том числе.

Она пошла будить Алису ароматом свежеиспеченных оладий.

Берлога представляла собой сооружение из одеял, развешенных на веревках и скрепленных прищепками для белья, и располагалась на самом верху лестницы, перед дверью, ведущей на чердак. Мила подняла плед в красно-зеленую клетку, служивший входом, и луч света проник в крохотную теплую пещеру.

Девочка подняла встрепанную голову с подушек, сплошным ковром покрывавших дубовый паркет: опять она заснула с наушниками айпода в ушах. Алиса протерла глаза и изумленно уставилась на поднос в руках у матери.

– Сегодня ведь не суббота, – проговорила она, догадываясь, что под изменением в их обычном расписании что-то кроется.

Мила сразу сменила тему:

– Сегодня после школы ты поедешь домой к Джейн, я поговорю с ее матерью.

– Почему?

– Мне нужно съездить в город, но к вечеру я вернусь. Хорошо?

Алиса вновь поглядела на оладьи, не говоря ни слова. Мила поняла: дочь подозревает, что ее любимый завтрак приготовлен в качестве извинения. И она права: мать так или иначе нарушила свое слово, отказалась от собственного выбора – навсегда оставить в прошлом прежнюю жизнь.

– Поедешь к нему?

Мила вздохнула:

– Нет, я поеду не к твоему отцу.

– Ну ладно.

Алиса, как всегда, сразу оставила тему; но если эта навязчивая идея не пройдет, подумала Мила, нужно будет показать дочь психологу.

– Так или иначе, к ужину я вернусь.

– Хорошо, мама.

Слово ошеломило ее, Алиса почти никогда так к ней не обращалась. Когда дочка так поступала, бывшего агента Васкес пробирала дрожь: Мила была уверена, что каждый раз, называя ее мамой, девочка пытается донести до нее что-то важное, и она не знала, в силах ли она, способна ли постичь смысл послания.

Мила подала дочери поднос с оладьями, кленовый сироп и стакан молока.

– Финци и сегодня не вернулась, – сообщила она. – Наверное, придется поискать ее в лесу.

Алиса сунула в рот оладью, просто приняв информацию к сведению.

– Поешь и ступай собираться, школьный автобус придет через полчаса, – сказала Мила и сама занялась сборами.

В углу стенного шкафа стояла большая коробка. Мила выволокла ее наружу и сняла крышку. Там лежали ботинки, черные джинсы, свитер с высоким воротом и кожаная куртка: одежда, которая в прежние времена делала ее невидимой. Превращала в темное пятно, сливавшееся с тысячами других пятен, погруженное в беспрестанно меняющий цвета калейдоскоп, который представляло собой лицо земли.

Но на дне коробки находился еще один предмет, которым она столько времени не пользовалась.

Мила вынула старый сотовый телефон – модель устаревшая, куда ему до смартфона, – и подсоединила к зарядке, поскольку батарея давно разрядилась.

Нужно было совершить целый ряд звонков. Первый – разумеется, Шаттон.

– Двенадцать часов, – заявила Мила, едва та ответила. – После я не буду иметь к делу никакого касательства.

Она поехала на станцию на старом «хендае». Села на поезд в половине восьмого, через полчаса прибыла в город. Едва ступив на перрон, погрузилась в шум и грохот столицы, вот только уже потеряла к нему привычку. Озеро заставило ее забыть, что значит жить без тишины. Мила внезапно почувствовала себя как будто в осаде.

На привокзальной площади узнала старого друга, который ждал у газетного киоска, как они договаривались. Саймон Бериш не изменился, выглядел, как всегда, безупречным джентльменом; он издали поймал взгляд Милы и помахал рукой.

– Я и не рассчитывал снова тебя увидеть. – В его голосе слышалась некоторая досада.

– Я тоже, – призналась Мила, хотя и без неудовольствия.

Они распрощались, когда Мила приняла решение уйти в отставку. Мила еще помнила тот последний их разговор, когда она сообщила коллеге о своих намерениях. Хотя Мила и не сказала это открытым текстом, стремление покончить с прошлым касалось также и его. Бериш принял это как должное. Они попрощались как обычно, сознавая, однако, что больше никогда не увидятся.

– Успеем выпить кофе? – спросил он.

– Не думаю: Судья организует брифинг в мою честь через двадцать минут.

Саймон молча показал ей дорогу. Они направились к парковке.

В небе над городом сгустились серые облака. Дождь уже прошел, на асфальте блестели лужицы. Бывший коллега шел немного впереди, явно избегая ее взгляда. Зная его, Мила задавалась вопросом, долго ли он еще вытерпит, прежде чем взорваться. Ждать пришлось недолго.

– До сих пор не могу поверить, что Шаттон удалось убедить тебя вернуться, – буркнул Бериш сердито.

– Вовсе я не вернулась, – огрызнулась Мила. – Я здесь задержусь лишь на несколько часов.

– Я удалил твой номер из списка контактов. Когда утром зазвонил телефон, я понятия не имел, что это ты, иначе бы не ответил.

Он пытался казаться грубым, но Мила знала, что это делается для ее блага. Чтобы упростить ее уход, Бериш год назад занял ее место в Лимбе – так назывался отдел по розыску без вести пропавших. Не самая желанная должность в Управлении; но он хотел успокоить Милу, довести до ее сведения, что работа, проделанная до сей поры, не пропадет втуне и люди с фотографий, усеивающих стены Зала Затерянных Шагов, не будут забыты.

Они дошли до малолитражки, окна которой были чуть опущены, чтобы внутрь поступал свежий воздух. Бериш стал рыться в карманах пиджака, ища ключи. Хич просунул морду в заднее окошко.

– Привет, красавчик, – поздоровалась Мила.

Пес породы ховаварт постарел, но сразу ее узнал. Он-то как раз был счастлив снова увидеть ее.

– Ну и каково тебе живется на озере? – спросил чуть позже Саймон, в сплошном потоке машин, характерном для утра пятницы, следуя в Управление федеральной полиции.

– По-другому, этого мне достаточно. – В салоне ощущался слишком сладкий аромат – ландыш и жасмин. Вряд ли это дезодорант для автомобиля: похоже, в жизни Бериша тоже произошли изменения.

– А как Алиса? Вам не одиноко?

– Алиса подрастает, и мы там с ней не одни, у нас есть кошка по кличке Финци.

При слове «кошка» Хич издал грозное рычание.

– Хорошо, что вы живете поодаль, здесь у нас все хуже и хуже, – отметил Бериш. – Не верь тому, что услышишь о резком сокращении преступности, вновь заключенном мире между бандами и прочей ерунде.

Такую политику называли «методом Шаттон», и, с тех пор как Судья заняла свой пост, он принес неожиданные плоды. Мила знала, что за последние годы обстановка в городе значительно улучшилась, но это не поколебало ее решения уехать оттуда.

Бериш тоже не слишком доверял такой внезапной перемене.

– Сейчас можно по вечерам гулять по центру, в то время как несколько лет назад он с наступлением темноты превращался в пустыню. Но так ли все благополучно?

В самом деле, если раньше ты осмеливался высунуть нос из дому после шести, тебя в лучшем случае обирали до нитки, припомнила Мила.

– Куда подевались преступники, воры, насильники, дилеры? Да, теперь мы можем пойти в кино или поесть мороженого, не беспокоясь о том, вернемся ли домой живыми и невредимыми. Но никто не задается вопросом, где затаилась вся былая злоба...

– И что ты думаешь по этому поводу? – спросила Мила, глядя, как по обе стороны от ветрового стекла вырастают одно за другим многоэтажные здания, словно соревнуясь, которое из них первым достигнет неба.

– На вид все кажется в норме, блестит и сияет... Но попробуй побродить по Паутине, и ты увидишь, что нормой там и не пахнет, – заявил Бериш. – Все полны злобы, сами не зная, на кого, почему. Время от времени что-то из этого мусора всплывает из глубин Сети, но мы спускаем дело на тормозах, приписываем простой случайности... Позавчера один такой фанатик избил до крови мальчика одиннадцати лет только за то, что ребенок нечаянно прошел перед объективом его смартфона, когда он делал фотографию, чтобы разместить в соцсетях.

Бериш не просто полицейский, потерявший веру в людей, подумала Мила. Он знает, что говорит. Долгие годы он был лучшим в Управлении специалистом по допросам. «Все хотят поговорить с Саймоном Беришем» – утверждали коллеги, имея в виду также и самых закоренелых преступников. Саймон знал обитателей этого города лучше, чем кто-либо другой.

– Нам не хватало только Энигмы и всей этой истории, – сказал наконец полицейский, быстро взглянув на Милу. – Знаю: ты здесь из-за него.

Мила не рассказала ему, зачем приехала в город. Сообщила только, что в Управлении попросили у нее консультации по поводу одного расследования, но не стала вдаваться в подробности.

– И что ты сам думаешь об этом деле? – спросила она, ничего конкретно не утверждая.

– Оно мне совсем не нравится, – озабоченно проговорил Бериш. – В Управлении все бурлит; по-моему, от нас что-то скрывают, недоговаривают...

Мила промолчала.

– После нарочитой скорби по погибшим Андерсонам в Интернете разразилась настоящая буря. Самые порядочные возмущаются тем, что патрульную машину отправили на ферму через несколько часов после просьбы о помощи. Но иные уже начинают негодовать на самих Андерсонов за то, что они отказались от цивилизации, от новых средств связи, уехали с двумя маленькими дочками в деревню, где даже нет электричества... Но что еще хуже, находятся такие, кто восхваляет татуированного психопата. – Бериш помрачнел. – Они упиваются его деяниями так иступленно, что понимаешь: насилие не завершилось той ночью в том уединенном доме, но продолжает распространяться, как сейсмическая волна, несущая другие разрушения. Ты полагаешь, будто этих фанатиков – ничтожное меньшинство, но потом выясняешь, что среди них – конторская служащая, студент, отец семейства. Самое скверное, что они не скрывают своего лица и выступают под своим именем.

– Как ты это объяснишь?

Саймон Бериш потер седеющий висок:

– Я допрашивал и приводил к признанию десятки убийц: всегда наступал момент, когда самые закоренелые стыдились того, что совершили. Обычно это происходило, когда я называл имя жертвы. Одно мгновение – и вину можно было ясно прочесть во взгляде... Может, мы и стали лучше и число преступлений в самом деле сократилось, как утверждает Шаттон, но обычные люди утратили стыд.

Слушая речи Бериша, Мила не могла не поздравить себя с тем, что прервала с ним всякие отношения. Дружба между полицейскими не может продолжаться, если один из них уходит в отставку, таково правило. Действительно, бывший коллега мог говорить только о преступлениях, убийствах и всяческих страданиях. Ладно, сейчас он знал, что Мила приехала в город по делам Управления. Но если бы она в какие-нибудь выходные пригласила Бериша к себе на озеро, им трудно было бы найти тему для беседы.

Бериш припарковался метрах в двадцати от главного входа. Мила потрепала по голове старину Хича и вышла из машины.

– В котором часу твой поезд? – спросил Бериш, исполненный решимости.

– В семь.

– Хорошо, в половине седьмого подъеду и отвезу тебя на вокзал.

3

Зал для брифингов представлял собой небольшую аудиторию на пятом этаже Управления: там стояли синие пластиковые креслица, высился помост для выступающих и висел экран. Окна выходили во внутренний двор, и плотные занавеси были всегда задернуты ради соблюдения секретности. В зале витал запах пыли и никотина, хотя запрет на курение в общественных местах действовал уже более тридцати лет.

Этот затхлый дух Мила узнала сразу, как только вошла. Достаточно оказалось вдохнуть уже забытый запах, как она вернулась в иное время, к прежней жизни.

Взгляды присутствующих немедленно устремились на нее.

Кроме Шаттон, на которой был безупречный деловой костюм в мелкую белую полоску, присутствовали Бауэр и Делакура, агенты, ведущие расследование. Первый – грузный блондин, с густыми бакенбардами, вечно раздраженный. Второй темнокожий. Миле показалось, что он куда умнее напарника.

Еще там присутствовали мужчина средних лет в белоснежном халате – Мила сразу определила, что это судмедэксперт, которому поручено дело, – и молодая женщина в униформе из отдела криминалистики: на ее личике с острым подбородком застыло суровое выражение, характерное для тех, кто считает, что полицейские намного превосходят весь человеческий род. Наконец, там был Коррадини, советник, вернее, рупор мнений Судьи; в своем строгом темном костюме он походил скорее на менеджера, чем на сыщика. Мила никогда не встречалась с ним лично, однако видела, как он выступает по телевидению каждый раз, когда Управление оглашает на всю страну свои заслуги в раскрытии того или иного дела. Стратегию «метода Шаттон» разрабатывал он.

Никто из присутствующих не поздоровался с Милой. Только Шаттон пошла ей навстречу и ввела в зал.

– Добро пожаловать, агент Васкес, – сказала она, улыбаясь.

Мила почувствовала себя неловко, ведь она уже не агент и на шее у нее висит бейдж, предназначенный для посетителей. Можно вообразить, о чем сейчас думают бывшие коллеги, собравшиеся в этом зале.

В их глазах татуировка с ее именем делала ее сообщницей Энигмы.

Не важно, правда это или нет, главное – она замешана. Кроме того, сам факт, что она подала в отставку, говорил не в ее пользу. Ведь полицейские не покидают службу, вспомнила Мила: они уходят на пенсию или погибают на своем посту.

Шаттон тоже чувствовала напряжение, но предпочитала делать вид, будто все под контролем.

– Начинаем.

Судья уселась посередине первого ряда и усадила Милу подле себя. Той быть на виду совсем не нравилось, но выбирать не приходилось.

Пока остальные рассаживались, Коррадини притушил свет и взошел на помост. Потом обратился к Миле:

– Недавно мы дали вам подписать документ о неразглашении того, что вы услышите на данной встрече, иначе вам могут вменить в вину сообщничество с преступником и препятствие следствию.

Ее это задело: нужно ли повторять предупреждение – но теперь она «штатская» и должна смириться.

– Сейчас я изложу вам программу, госпожа Васкес. Сначала агенты Бауэр и Делакура вкратце изложат дело Андерсонов, и вы поделитесь своими соображениями.

Мила не была уверена, что сможет помочь. Она вдруг поняла, что рискует разочаровать всех.

– По ходу изложения фактов ты вольна задавать любые вопросы, какие сочтешь уместными, – вмешалась Шаттон. – Наша цель – понять, по какой причине татуированный человек приобщил тебя к делу.

Судья запретила своим людям называть убийцу так, как его окрестили СМИ. Но Мила больше не принадлежала к полиции и могла по-прежнему звать его Энигмой.

Слово взял Бауэр:

– Итак, обобщим то, что произошло на ферме Андерсонов той ночью.

Хотя изложение дела предназначалось только для Милы, агент обращался ко всей аудитории. Под этим крылась явная враждебность по отношению к бывшей коллеге. Бауэр взял

маленький пульт дистанционного управления и включил видеопроектор, прикрепленный к потолку.

По экрану заскользили снимки, сделанные на месте преступления.

– На основании звонка госпожи Андерсон мы можем утверждать, что убийца явился на ферму около двадцати часов.

Его разглядели при свете молний, подумала Мила. Кошмар предстал чем-то вроде миража. Чем-то таким, во что поначалу ум отказывается верить. Кто заметил его первым – Фрида, Карл или кто-то из девочек?

– Для резни в его распоряжении оказалась целая ночь, но мы полагаем, что ему хватило пары часов. – Бауэр нажал на кнопку пульта. – Пункт первый: серп.

Крупный план орудия расправы.

– Мы полагаем, что убийца не принес его с собой, возможно – взял из сарая, где хранились сельскохозяйственные инструменты: вероятно, в его первоначальные намерения не входило убивать, он просто хотел чем-нибудь поживиться.

Лезвие и рукоятка серпа были покрыты темно-красными пятнами.

– Нам не удалось снять с орудия отпечатки пальцев, – проявила рвение криминалистка. – Слишком много крови.

– Второй пункт: сотовый телефон.

Еще фотография: сотовый, с которого был произведен звонок в полицию, оставленный на кухонной полке. Из окна, рядом с которым та висела, было видно крыльцо и передний двор.

– С него госпожа Андерсон позвонила в полицию, из-за дождя она не смогла дать описание пришедшего, но утверждала, что муж говорит с каким-то мужчиной, стоящим перед домом.

Мила представила себе, как глава семейства, набравшись храбрости, идет выяснять, с какими намерениями явился незнакомец. Определенно в глубине души Карл Андерсон предчувствовал нечто скверное. Но должен был защитить жену и девочек, поэтому не отступил.

– Мы решили, что Карл Андерсон, заметив незнакомца в своих владениях, направился к нему с тем, чтобы попросить удалиться.

Мила так и видела, как он преодолевает те несколько метров, которые отделяют его от прищельца, прикидывая, что ему сказать, как убедить уйти. Может, подумал предложить ему денег, ведь угрожать незнакомцу – значит подвергнуть семью слишком большому риску. Но при виде татуированного лица, подумала Мила, у него, должно быть, остановилось сердце. Все страхи, самые безумные и сверхъестественные, обрели форму и предстали во плоти.

– Увидев оружие у него в руках, Карл Андерсон сразу понял, что это конец, – заявил Бауэр. – Что бы он ни сказал и ни сделал, он не смог бы предотвратить события.

Тем не менее он заговорил вежливо, была убеждена Мила. Да, Карл все равно попытался. Видя, что спасения нет, жертвы не могут не вступать в переговоры со своими палачами. Сначала выказывают абсурдное сочувствие и понимание. Убедившись, что это бесполезно, умоляют сжалиться.

Многие психопаты-садисты тянут время, дожидаясь этого рокового момента, не потому, что не решаются начать, а потому, что мольбы жертв доставляют им наивысшее наслаждение.

Тем временем на экране показался вид на ферму сверху.

– Третий пункт: кровь, – продолжал Бауэр. – Единственное доказательство того, что в данном месте произошли убийства. Хотя ночной ливень уничтожил все следы вне дома, согласно тому, как мы восстановили события, убийца нанес Карлу Андерсону смертельный удар во дворе. – Бауэр показал на фотографии точное место. – Потом направился в дом.

Последовало изображение комнаты, где все было перевернуто вверх дном.

Мила представила себе жену: она смотрит из окна и видит, как муж внезапно падает на землю. Недолго думая, хватается дочек и быстро тащит их в единственное, как она думает, безопасное место: на верхний этаж.

– Убийца сначала выместил злость на мебели и безделушках: может быть, он искал жертв, а может, пугал их ради забавы.

Потом поднялся, думала Мила, чуть ли не слыша медленные, тяжелые шаги по ступеням.

Бауэр показал фотографии выбитых дверей в спальни, кровавых отпечатков рук на стенах, красных полос на полу, на которых остались следы убийцы.

– В доме была кровь только женщины и двойняшек, – выступила молодая криминалистка. – Это подкрепляет предположение, что Карл Андерсон был убит первым, во дворе фермы.

– Кровь артериальная, – уточнил судмедэксперт, до тех пор молчавший. – Из чего следует, что у жертв не было ни малейшего шанса.

Бауэр поглядел Миле в глаза.

– Фрида Андерсон сражалась до последнего, защищая Эуджению и Карлу, об этом говорят следы борьбы, отмечаемые повсюду. Но даже отчаянный плач восьмилетних девчушек не остановил убийцу.

Агент умолк, и в зале повисла напряженная тишина.

– Остальное легко вообразить, – заключил Бауэр. – Убийца забирает трупы, грузит их в зеленый фургон, увозит неизвестно куда, потом спокойно возвращается в свою нору.

Анализ динамики преступления был исчерпан, и настал момент заняться профилем Энигмы.

Делакруа сменил Бауэра на помосте, и тот передал коллеге пульт от видеопроектора, словно эстафетную палочку.

В отличие от коллеги, этот полицейский обращался непосредственно к Миле.

– Пункт первый в профиле убийцы – это, опять же, кровь, – подхватил он с того места, на котором закончил предшественник. – Кровь играет решающую роль во всей этой истории. Во-первых, на вторичной сцене преступления – скотобойне, где жил татуированный, – был найден автомобиль, изнутри залитый кровью Андерсонов, не говоря уже об оружии убийства. Во-вторых, кровь нашего подозреваемого таит в себе нечто необычное: проведя анализ, мы обнаружили присутствие химического соединения.

– «LHFD», – пришел на помощь судмедэксперт. – Галлюциногенная смесь, известная как «Слеза ангела».

Синтетический наркотик, подумала Мила. Мог он послужить причиной яростного, неодолимого стремления убивать? Действовал ли убийца под влиянием химии?

– Знаю, о чем вы думаете, госпожа Васкес, – заметил Делакруа, будто читая ее мысли. – Но мы не позволим ублюдку выйти сухим из воды, свалив вину на наркотики.

– Такая проблема пока не стоит, – вмешалась Шаттон. – Подозреваемый отказывается говорить не только с нами, но и с адвокатом, которого ему предоставила прокуратура.

– Пункт второй: личностные характеристики, – продолжал Делакруа. – Еще не выяснив имени убийцы, мы попытались составить психологический портрет... Походная плитка, съестные припасы, одежда и прочие предметы, обнаруженные в месте его обитания, говорят о том, что он способен позаботиться о себе. Привычку окружать себя устаревшими или сломанными компьютерами мы пока еще не осмыслили. Возможно, чтобы поддерживать свое существование, он продавал детали, либо же такое поведение можно определить как компульсивно-маниакальное.

Мила знала, что психопаты иногда собирают разные вещи, чтобы удовлетворить свою потребность обладания. Ту же самую логику могут впоследствии применить и к жертвам:

лишенные человеческого достоинства, они из «людей» превращаются в «вещи». Так их легче уничтожать.

Делакруа показал несколько снимков убежища Энигмы.

Стены почернели от плесени, пол вспучился во многих местах, и всюду – отложения отдаленных эпох цифровой революции. Из мониторов монохромных, жидкокристаллических и мониторов с катодными трубками выстроена стена, на которую с потолка сочится влага. Системные блоки с гибкими дисками и приводами для дисков оптических скопились в углу – выпотрошенные, со всеми заржавленными платами на виду; от некоторых осталась только коробка.

Ни дать ни взять путешествие во времени, восхитилась Мила. Казалось, миновали века, хотя такая технология вышла из употребления чуть более десяти лет назад.

– Целая команда экспертов проверяет, не работает ли еще какой-то из них, – продолжал Делакруа. – Не остался ли в памяти какого-то компьютера след, который позволит нам установить личность подозреваемого.

В этом-то и заключалась основная проблема. Казалось, у Энигмы не было прошлого.

– И это подводит нас к вопросу: каким образом он мог передвигаться без помех, никем не замечаемый.

Научился избегать взглядов прохожих и электронных глазков камер видеонаблюдения, подумала Мила. Возможно, передвигался только по ночам. Воспользовался нашим безразличием к бедным и отверженным, чтобы стать невидимым, и обманул нас. Такое поведение требует изрядной самодисциплины, которой он придерживался долго и самоотверженно. Хотя ей было трудно в этом признаться, Мила втайне восхищалась подобной силой воли.

– Что вы скажете об анонимном телефонном звонке, который его выдал? – спросила агент в отставке.

Делакруа, казалось, пришел в замешательство.

– Обычный сигнал от частного лица, не пожелавшего сообщить свое имя. Что в этом странного?

– Странно то, что наш подозреваемый оставался невидимым столь долгое время, а потом вдруг на его след вышли с такой легкостью, вот и все.

– Сигнал поступил не о нем, а о зеленой машине, – поспешила напомнить Шаттон. – Теперь, пожалуйста, продолжим.

Мила не настаивала.

– Третий пункт: тело, покрытое татуировками цифр. – Делакруа вывел на экран крупные планы татуировок, которые Судья уже показывала Миле прошлым вечером, во время своего визита. – Числа от нуля до девяносто девяти, время от времени они повторяются. Именно на основе повторов нам удалось выделить четыре комплекса: левый бок, правый бок, таз и нижние конечности, грудная клетка и голова.

Об этом Мила размышляла всю ночь: некоторые категории психопатов закликиваются на числах. Худшие. Иные серийные убийцы, например, чтобы решить, когда, где и кого прикончить, прибегают к сложным расчетам и схемам собственного изобретения. Разумеется, не имеющая под собой никакой математической основы, логика, которой они руководствуются, понятна только им, а следователи, соответственно, ее постичь не могут. Поэтому большинство профайлеров считают, что числа только мешают расследованию и лучше не слишком полагаться на них, пытаясь понять «модус операнди», способ действия.

– Пока вам все ясно, госпожа Васкес? – осведомился Делакруа.

– Да, – отозвалась Мила, давая понять, что все, услышанное до сих пор, никак не помогло ей опознать татуированного.

Делакруа снова направил пульт на видеопроектор. Показалось лицо Энигмы, невозмутимо глядящего со снимка, сделанного сразу после ареста.

Глядя на него, Мила невольно откинулась назад на пластиковом креслице. Взгляд темных глаз этого человека, обрамленных вязью чисел, был настолько пронзительным, что, казалось, отрывался от экрана и проникал прямо в ее мысли. Сила этого взгляда внушала страх.

– Вглядитесь хорошенько, госпожа Васкес: узнаете ли вы его?

Мила последовала совету Делакура и пристально вгляделась в фотографию. Через несколько секунд покачала головой.

Агент не падал духом.

– Мы восстановили на компьютере внешность убийцы, устранив татуировки.

Результат показался на экране: *лицо обычного человека*.

Гладко выбритое, ничем не примечательные, совершенно заурядные черты. Только глаза сохранили темную энергию, которая чуть раньше так взволновала Милу. Но она снова была вынуждена дать отрицательный ответ.

– Я не знаю его, никогда не видела.

По залу прошел удрученный ропот. Шаттон тоже была разочарована.

– Ты в этом абсолютно уверена? – переспросила Судья.

– Да, уверена, – подтвердила Мила. – И то, что я до сих пор слышала, ни о чем мне не говорит.

Снова ропот досады. Впав в раздумье, Шаттон поигрывала тяжелым золотым браслетом, который носила на запястье.

– Почему вы до сих пор не распространили эту восстановленную фотографию? – поинтересовалась Мила. Кто-то мог бы опознать Энигму без татуировок.

– Не хватало еще, чтобы мы подпитывали миф о монстре! – возмутилась Судья. – В Сети и так полно экзальтированных типов, которые души в нем не чают.

Утром и Бериш намекал на такой феномен, как эти фанатики. Но Мила считала, что не распространить истинный облик Энигмы было ошибкой: куда лучше выставить его заурядным человеческим существом, лишив тем самым мистического ореола.

– Мне нужно с вами поговорить. – Шаттон встала и отвела агентов и судмедэксперта в сторонку.

Милу исключили из этого круга: наверное, ее присутствие больше не требовалось, вот они и вели себя так, будто ее здесь нет. Она попыталась мысленно отстраниться от их дискуссии, сосредоточившись на том, что слышала за это время.

В конечном итоге версия полиции заключалась в том, что Энигма – бомж с кислотной зависимостью, живущий, по всей вероятности, за счет продажи деталей от старых компьютеров, что-то вроде психопата, помешанного на числах; и вот вечером он случайно забрел на ферму Андерсонов и устроил жестокую резню, находясь под возбуждающим воздействием «Слезы ангела».

Все сходилось как нельзя лучше.

Тогда зачем я здесь? – снова спросила себя Мила. Я здесь потому, что Энигма вытатуировал мое имя у себя на руке, вспомнила она. Причина простая: он хотел, чтобы я пришла. И смысл может быть один-единственный.

Я – ответ на загадку Энигмы.

Она выслушала отчет о динамике расправы и попытку создать профиль убийцы, но одного элемента не хватало.

Жертв.

– Устранение трупов для него важно, – вдруг произнесла она вслух, сама того не замечая, и все, кто собрались вокруг Шаттон, повернули головы. – Что мы знаем об Андерсонах? – продолжала Мила, не заботясь о том, что прервала их беседу.

Присутствующие воззрились на нее в ошолоблении.

– При чем тут это? – рявкнул Бауэр раздраженно.

– Я думаю, что татуированный человек весьма хитер. Возможно, он предвидел, что вы соберетесь в таком составе. – Мила указала на компактную группу. – Он представил себе, что в число собравшихся войдут агенты, расследующие дело, а также судмедэксперт и криминалист. Предположим, он добивался моего присутствия с единственной целью: донести до вас мою точку зрения.

– Вскес, я бы не был в этом так уверен, – презрительно процедил Бауэр.

Мила почувствовала, что просто обязана все объяснить.

– Работая в Лимбе, я никогда не знала, стоит ли за исчезновением добровольное удаление, несчастный случай или чья-то рука. Но в отличие от дел об убийствах, где имеется труп и орудие, а то и возможный мотив, для меня единственным источником информации был именно пропавший... И я усвоила, что анализ поведения человека до того, как он растворился в небытии, имеет определяющее значение... Я ставила перед собой целый ряд вопросов: входил ли человек, которого я ищу, в группу риска? Сказал он или сделал что-либо, подвергшее его опасности, превратившее в потенциальную жертву? Могли ли его слова и поступки вызвать у кого-то реакцию, развязать агрессию?

Переключить внимание от возможного подозреваемого к жертве – метод, которым она пользовалась многократно.

– Много лет назад один криминолог сказал мне, что невозможно проникнуть в сознание серийного убийцы, поскольку его поведение определяется импульсами, инстинктами и фантазиями, которые накапливались годами – с тех пор, как он был ребенком. Но он же и открыл мне, что можно проникнуть в сознание жертвы.

Она опустила тот факт, что означенный криминолог был также и отцом ее дочери, но взгляды присутствующих показали, что она почти что их убедила.

– Хотя это и трудно принять, но иногда жертвы и палачи сближаются. У них есть много общего: они похожи, сами того не зная.

Каждому из нас предназначен свой убийца. Как с родственной душой, иногда мы с ним встречаемся, иногда – нет.

– Продолжай, – подбодрила ее Шаттон.

– Как я уже сказала, устранение трупов важно для татуированного человека, – вернулась Мила к первоначальному рассуждению. – Убийца оставляет потоки крови и уносит тела: зачем? Ведь всей этой кровью он дает нам понять, что Андерсоны мертвы. Он не скрывает следов того, что сотворил: наоборот, выставляет их напоказ. Но также подсказывает нам, что мы не должны останавливаться на видимости, а должны продолжать расследование... Может, мы не просто должны искать трупы. Может, чтобы найти их, мы должны что-то узнать об этих людях... Не «где они», а «почему именно Андерсоны».

Делакруа обменялся взглядом с Шаттон, потом взял несколько листов из папки, лежавшей на свободном кресле. Сверился с ними.

– Насколько нам известно, Андерсоны жили в деревне, отказавшись от современных технологий.

Такой их выбор возмутил многих, вспомнила Мила. Если бы они не жили настолько уединенно, полиция успела бы вовремя. Или сам Энигма не явился бы к ним.

– Кто-то их сравнил с амишами – сектой, проповедующей простоту жизни и отказ от современных технологий, но это не совсем так, – продолжил Делакруа. – Андерсоны лечились современными средствами и одевались нормально, вот только не пользовались электричеством. Никаких электроприборов – ни телевизора, ни компьютера, ни Интернета. Единственное исключение – сотовый телефон, на крайний случай.

Мила была в курсе того, что существуют различные движения, отрицающие технологическую цивилизацию, – «луддиты», *luddites*¹. Одни это делают по этическим или религиозным причинам, другие – по политическим.

Тем временем проектор показал семейное фото: отец, мать и двойняшки счастливо улыбались в объектив, одетые в одинаковые красные свитера, – снимок, вероятно, был сделан на Рождество.

Мила изумленно воззрилась на Андерсонов в их прежней жизни.

– До того как заделаться фермером, Карл Андерсон работал брокером в торговом банке SPL&T. Имел завидный доход.

Вначале Мила думала, что Андерсоны всегда жили на ферме. Она ошибалась. Но в самом ли деле они располагали средствами? И действительно отказались от роскоши, чтобы удалиться вместе с дочерьми на лоно природы?

– Собственная квартира в центре, в престижном кондоминиуме. Страхование жизни на крупную сумму, вложения в акции и облигации. Яхта. В гараже – автомобиль класса люкс. Частная школа для девочек, отдых в дорогих экзотических местах.

Как можно было перейти от подобного существования к другому, диаметрально противоположному? Жертвы и палачи иногда сближаются, повторила она себе. Может, и Энигма, до того как стал бомжом, был примерным гражданином, имел семью, работу и собственность.

– По нашим сведениям, Андерсоны купили ферму около года назад.

Снова взглянув на рождественскую фотографию, что красовалась на экране, Мила испытала странное ощущение – щекотку в ямке над ключицей, у самой шеи, что почти всегда было предупреждением.

– Заплатили наличными. Остальное имущество отписали на девочек, но воспользоваться им сестры смогли бы только по достижении совершеннолетия. – Делакруа прервался, вчитываясь в текст, который держал перед собой, словно не веря собственным глазам. – Ближайшие родственники засвидетельствовали, что это муж принял решение и увез в глухомань жену и детей. Похоже, в один прекрасный день Карл Андерсон бросил работу, закрыл счета в банке и аннулировал все контракты: от платного телевидения и Интернета до водоснабжения и электричества.

Значит, Карл сделал выбор за всех; у Милы это не укладывалось в голове. *Зачем это было ему нужно?*

И тут в голове бывшего агента полиции зазвучали слова Судьи, которые та произнесла, едва войдя в ее дом на озере.

«Не вижу у тебя телевизора, – сказала тогда Шаттон. – Нет даже подключения к Интернету?» – спросила потом, вовсе ошеломленная.

«У нас есть книги. И радиоприемник», – ответила Мила.

Точно как Андерсоны, призналась она себе, и это ее до крайности взволновало. *Сходство не с Энигмой, сходство со мной.* Мила, подобно Карлу Андерсону, бросила все и удалилась от мира, забрав с собой дочь, с мнением которой и не думала считаться. Хотя ее решение не было настолько радикальным, причина была налицо: она боялась за Алису, боялась, что тьма найдет ее.

Какая там жизнь на лоне природы: Андерсоны бежали. Карл боялся за свою семью, поэтому они уехали как можно дальше.

Тут она разглядела кое-что и вскочила на ноги. Подошла вплотную к экрану.

– Что такое? – изумилась Шаттон.

Мила заговорила не сразу.

¹ Отсталые (англ.).

– Энигма и Карл Андерсон были знакомы, – изрекла она наконец без малейшего колебания.

Все усталились на нее, совершенно опешив.

– Ты-то, черт возьми, почем знаешь? – вспыхнул Бауэр.

Мила подняла руку, указывая на изображение.

– Часы на руке у мужчины, – только и сказала она.

Все взгляделись. И поняли.

На руке Карла Андерсона, между рукавом красного свитера и спортивным хронографом, виднелась татуировка.

Число.

4

Она ошибалась насчет Карла Андерсона.

Когда Энигма приблизился к ферме, Карл вышел, чтобы с ним поговорить. Но о чем? Может быть, уже знал о его намерениях и хотел его остановить?

А жена? Фрида знала, кто это такой? Из ее звонка в полицию ничего подобного не следовало. Но спустились сумерки, электричества не было, дождь стоял стеной, и татуированный человек находился далеко от дома. Однако у Милы складывалось ощущение, что женщина ни о чем не догадывалась.

Зато Карл боялся Энигмы. Поэтому и увез семью из города, отказавшись от денежной работы и льготной жизни. Где другие видели лишь ничем не объяснимый выбор, бывший агент полиции явственно различала признаки бегства.

В истории семейства Андерсон зловещим образом отражалась жизнь Милы, ее выбор. Это ей не нравилось. Естественно, она не ожидала, что бывшие коллеги из Управления согласятся с ее предположениями. И пока она в коридоре размышляла об этом, из-за запертой двери кабинета Судьи до нее доносились отдельные реплики оживленной дискуссии, проходившей там.

Судья и Коррадини, вместе с Бауэром и Делакура, спорили о том, следует ли принять в расчет версию Милы Васкес. Она предполагала, что у резни был мотив, в то время как они легко могли выйти из положения, приписав бешеную расправу больной психике монстра, после чего закрыть дело.

Но татуировка на запястье Карла Андерсона все усложняла.

Дверь кабинета распахнулась, и Коррадини кивком пригласил ее войти. Вид у всех был недовольный.

– Переехать за пятнадцать километров от города не значит сбежать, – тут же выпалила Шаттон. – Я бы еще в это поверила, если бы Андерсоны бросили все и уехали из страны.

– Думаю, дело не в *расстоянии*, а в отказе от технологий. – Мила была в этом убеждена, хотя еще и не могла связать концы с концами. – Энигма окружает себя неисправными компьютерами, Андерсоны отрекаются от прогресса: вам не кажется, что здесь есть связь?

– Одни только предположения, госпожа Васкес, – покачал головой Коррадини. – Рискованные предположения.

– Чтобы подкрепить твою версию, нам нужны вещественные доказательства, – вступил Делакура.

– Разве татуировка на запястье Карла Андерсона таковым не является?

– Изображение нечеткое, – отмахнулся Бауэр. – Может быть, это блик. Я не вижу никакого числа, только смутное пятно.

Мила не верила себе.

– Меня вызвали сюда с определенной целью, – напредила она. – И не вы меня позвали, а человек, заключенный в тюрьму. – (Как до них не доходит такая простая вещь?) – Вам не кажется, что во мне – ключ к разгадке?

Никто не возразил: добрый знак.

– Я не знаю татуированного, и это факт. Но, может быть, я знаю что-то такое, о чем сама не догадываюсь, – продолжила Мила. – Ясно одно: Энигма показал, что хорошо меня знает.

Шаттон явно была в замешательстве. Мила затруднялась сказать, доверяет ли ей хоть кто-нибудь в этом кабинете.

– Если поспешить, я успею на поезд, который отходит через полчаса: вернусь домой пораньше. Решайте сами, Судья.

Та на минуту задумалась, потом повернулась к Коррадини:

– Ты что скажешь?

Советник пожал плечами.

– Хорошо, – решила Шаттон. – Устроим ей встречу с задержанным.

До сих пор о встрече никто не заговаривал. Наоборот, Судья исключила такую возможность, когда заявила к Миле домой, чтобы просить ее о помощи.

У Милы не было ни малейшего намерения оказаться лицом к лицу с Энигмой. Она уже пожалела о том, что согласилась выслушать краткий отчет о результатах следствия. Но вывод, к которому она пришла, породил ряд сомнений. Чтобы разрешить их, ничего другого не оставалось, как только привести ее к человеку, который впутал ее в это дело.

Отступать было поздно.

Тюрьма особого режима находилась в каких-то трех кварталах от Управления. То был небоскреб из бетона, похожий на полую башню. Хотя он и возносился вверх, его называли «Ямой», ведь тот, кто попадал внутрь, никогда не выходил наружу.

На внешних фасадах не было ни единого отверстия. Окна камер выходили во внутренний двор. Солнечный свет проникал в этот узкий колодец всего на несколько минут, как раз в полдень, отчего заключенные еще сильнее чувствовали, что они погребены заживо.

Именно в этот час Бауэр и Делакруа подвезли Милу к зданию, у которого толпились в поисках информации корреспонденты газет, телерепортеры и сотрудники новостных сайтов. Собрались здесь в честь вновь прибывшего, подумала Мила, выглянув из окошка машины.

Праздник начинается, и герой торжества – Энигма.

Пока машина въезжала в первые из трех ворот, преграждавших единственный вход в супертюрьму, Мила в последний раз подняла глаза к небу и смерила взглядом впечатляющий серый монолит, казалось поглощавший лучи солнца, которое в данный момент находилось почти в зените. Кто знает, что испытывают заключенные, переступая этот порог в первый и единственный раз, зная, что обратной дороги нет.

Машину завели в гараж, ее должны были осмотреть охранники. То была стандартная процедура, даже для автомобиля, приписанного к полиции, из опасения, что без ведома водителя и пассажиров кто-то исхитрится подложить туда взрывное устройство. Среди заключенных были видные члены мафии и террористы, которых кому-то из оставшихся на свободе выгодно ликвидировать, пока строгий тюремный режим не заставит их раскаться в содеянном и заговорить.

– Добро пожаловать в «Яму», госпожа Васкес, – поприветствовала ее охранница из-за стойки наисовременнейшего пункта регистрации, оснащенного мониторами и сложными электронными устройствами. – Я – лейтенант Ражабьян, мне поручено сопровождать вас.

Она тут же выдала Миле бeдж с штрихкодом.

– Наденьте его и не снимайте ни при каких обстоятельствах, иначе телекамеры инфракрасного диапазона зафиксируют вас как «незаконно вторгшуюся» и охранники получат право стрелять без предупреждения.

Мила повесила бедж на шею.

– Теперь вам следует раздеться для тщательного осмотра.

Ее, Бауэра и Делакура обыскивали пятеро охранников, в разных комнатах. Милой занимались две женщины. После обыска посетителям выдали синие комбинезоны, в такие же были одеты и заключенные, только цвета различались в зависимости от отсека.

У Милы возникло ощущение, будто она попала в какой-то особый мир, подчиненный собственным правилам, где время утрачивало всякий смысл.

Ражабьян вела их по бесконечным коридорам, неотличимым друг от друга, освещенным холодным светом люминесцентных ламп. Вентиляция в здании была искусственная. При мысли о том, что их окружают стены толщиной более трех метров, Мила почувствовала первые признаки приступа клаустрофобии. Она сделала глубокий вдох, вспомнила светлое озеро, кроны лип, колышущиеся на ветру, и на какое-то время ее отпустило.

Они подошли к лифту.

– Вы уже бывали здесь, у нас, госпожа Васкес? – спросила сопровождающая, нажав на кнопку вызова.

– Не думаю, ведь она работала в Лимбе, – с презрительным смешком ответил за нее Бауэр.

– Тогда позвольте вас немного просветить, – продолжала охранница. – «Яма» состоит из двадцати четырех этажей. На первых шести – офисы, склады, различное оборудование. С седьмого и выше – различные отсеки тюрьмы как таковой, они отличаются цветами. На нижних этажах – «белые воротнички»: задержанные за политические преступления, за единичные убийства. Чем выше, тем преступники опаснее, а следовательно, тем строже режим.

Как в Дантовом аду, подумала Мила. Только этот прирастает вверх.

Лифт наконец пришел. Ражабьян пропустила посетителей вперед. В кабинке лейтенант приложила магнитный ключ, чтобы разблокировать панель, и нажала на кнопку. Заметив номер этажа, Мила вспомнила, что совсем недавно говорила Ражабьян, и внутри у нее все сжалось.

Они направлялись на последний, двадцать четвертый этаж.

Подъем длился двадцать четыре секунды, которые Миле показались вечностью. Потом двери лифта автоматически раскрылись, и перед ними предстал розовый коридор. Это сразу обескураживало. Все было выкрашено в розовый цвет – от пола до ламп на потолке.

– Некоторые психологи считают, что розовый цвет умиротворяет ярость, – поспешила сказать Ражабьян, заметив их изумление. Но Мила вспомнила, как подобный эксперимент проводили в восьмидесятые годы в другом тюремном комплексе. Заключенные сожрали штукатурку, а потом напали на надзирателей.

Лейтенант провела их в крыло, где располагались камеры.

– Здесь мы держим психопатов, – рассказывала она. – «Серийников», «массовиков», пироманов, педофилов-убийц: наихудшие образцы того, на что способна человеческая природа. У нас даже канибал есть.

По пути Делакура обратился к Миле:

– Ты увидишься с татуированным человеком в его камере. Если его переместить, это может вызвать у него излишнее волнение, а так нам будет удобнее проследить за его реакциями.

Мила хотела что-то возразить, но Делакура опередил ее:

– Он не сможет до тебя дотронуться: между вами будет стекло толщиной в десять сантиметров.

– Но увидеть-то меня он сможет?

– Да, конечно, – подтвердил Делакура. – Я ведь только что об этом сказал.

Мила пожалела, что задала такой глупый вопрос: слишком нервничала. Они остановились перед бронированной дверью.

– Ты одна войдешь в комнату, примыкающую к камере, – сообщил Делакруа, отведя ее в сторонку. – Наше присутствие может смутить его или разозлить, а наедине с тобой он вдруг да и решит открыться.

Мила кивнула:

– Хорошо.

– Мы будем все время следить за встречей через видеокамеры, – заверил ее агент.

– Не надо меня успокаивать, я бывала и в худших передрягах, – не удержалась Мила. То была чистая правда. Но она осознала также, что отвыкла от подобных вещей.

– Знаю, – ответил Делакруа, притом всем своим видом давая понять, что прошлое – это прошлое и не стоит слишком полагаться на давний опыт. – Если захочешь прервать свидание, сделай вид, что поправляешь волосы.

Лейтенант Ражабьян набрала код на панели рядом с бронированной дверью. На дисплее замелькали цифры, раздался писк: начался обратный отсчет пяти секунд, после чего замок разблокировался.

Делакруа взглянул на Милу:

– Готова?

Та глубоко вздохнула, потом выдохнула:

– Готова.

– И вот еще что, – вмешался Бауэр. – Он не знает, что ты здесь.

Ошибаешься, подумала Мила. Знает.

Дверь открылась, и она шагнула в темноту.

Каждый психопат сам по себе тюрьма, припомнила Мила. Внутри у него обитает демон, все беспокойное существование которого подчинено одной цели: всеми правдами и неправдами выбраться наружу. Самые жестокие убийцы всегда кажутся стороннему наблюдателю смирными и вежливыми людьми. Но насилие может проявиться в любой момент. Так демон дает внешнему миру понять, что он существует и полностью контролирует человека, в котором живет.

Бронированная дверь закрылась за ее спиной. Мила очутилась в тесной, слабо освещенной комнатке. Пока глаза привыкали к полумгле, перед ней начала подниматься переборка.

С той стороны хлынул свет, белейший, ослепительный.

Барьер сдвигался все выше и выше, постепенно показывая за пуленепробиваемым стеклом человека, стоящего посреди камеры.

Энигма застыл неподвижно, одетый в розовый комбинезон, карнавальная фигура добра и зла. Его озарял луч полуденного солнца, пробившийся сквозь узкую амбразуру. Среди такого блеска он походил на злобного ангела. Сложив руки на животе, переплетя пальцы, он не сводил с Милы глаз.

Знает, уверилась Мила, вспомнив, что напоследок сказал Бауэр. Почуял, что я пришла. Ждал меня.

Бывшая сотрудница Лимба подошла ближе к стеклу, чтобы заключенный смог ее узнать, но также и затем, чтобы лучше рассмотреть его. Складывалось впечатление, что татуировки, которыми пестрели не закрытые комбинезоном участки кожи, – не просто картинки. Числа двигались, наползали одно на другое: жили.

Плод разыгравшегося воображения, разумеется; не стоит предаваться пустым фантазиям. Он всего лишь человек, сказала Мила себе. Не монстр. Он из плоти и крови. Он уязвим. Его можно убить. Заставить страдать.

– Думаю, ты знаешь, кто я такая, – начала Мила.

Татуированный промолчал.

– Ну вот, я здесь. Ты ведь этого хотел?

Молчание обескураживало. Мила искала, за что зацепиться, чтобы продолжить разговор, и одновременно осматривала место, в котором держали заключенного. Кроме койки, прикрепленной к полу, и металлического унитаза, в камере ничего не было. Ни единого знака на стенах, никаких личных вещей. Четыре видеокамеры следили за каждым его шагом, ничто не могло укрыться от электронных глаз.

Через несколько секунд Мила заговорила снова:

– Если ты передумал, если не хочешь меня здесь видеть, я могу и уйти.

Тут мужчина расцепил руки, правой почесал шею, потом висок. Судорожными движениями, словно под действием нервного тика.

– Расскажи мне о Карле Андерсоне, – предложила Мила. – Я видела цифру, вытатуированную у него на запястье; думаю, вы знакомы.

Кроме тех первых движений, никакой реакции.

– Может, я ошибаюсь, но складывается впечатление, что ты не случайно оказался на ферме. По-моему, ты туда явился намеренно. Зачем?

Энигма задвигался снова: на этот раз ладонью разгладил морщинку на комбинезоне в районе грудной клетки, потом смахнул воображаемую пыль с левого плеча.

Жесты были быстрые, но завораживающе выверенные. Почти изящные.

– Я думала, ты позвал меня, чтобы рассказать какую-то историю. Или я ошибаюсь? Может быть, разъяснишь, что на самом деле случилось тем вечером: любопытно услышать твою версию.

Задержанного вроде бы вовсе не задевали ее слова. Он по-прежнему не сводил с нее своих невероятно черных глаз. Милу передернуло: ей показалось, будто этот взгляд ищет слабое место, трещинку, чтобы пробраться внутрь.

– Не уверена, что наша беседа приносит плоды, – попыталась она прибегнуть к иронии. На самом деле ей было не по себе, хотя она и старалась всячески это скрыть. – Если ты ничего мне не скажешь, меня больше не пригласят, тебе это известно, правда?

Энигма не откликнулся на ее слова, оставался безразличен. Наверное, знал, что Мила вовсе не собирается возвращаться сюда. Еще несколько часов, и я сяду на поезд, вернусь домой, твердила она себе. Но прежнего не воротить, и она это знала. Пусть у этого человека нет шансов отсюда выбраться, одна мысль о том, что он существует, смущает душу.

Кто ты такой? Что за цифрами расписал себя? Почему захотел, чтобы я пришла?

Решив не медлить более, порылась в кармане и вытащила единственное, что ей разрешили с собой пронести. Копия восстановленной на компьютере фотографии Энигмы, которую ей показали на брифинге этим утром, где его лицо представало таким, каким было изначально, без татуировок.

Лицо обычного человека.

Мила прислонила портрет к стеклу так, чтобы татуированный мог хорошо его разглядеть.

– Ты от этого бежишь, не так ли? – заявила она напрямик, забыв об осторожности. – Может быть, своим теперешним видом ты надеешься внушать окружающим страх? Уверена, ты до смерти напугал Фриду Андерсон и ее дочек, пока гонялся за ними, прежде чем убить, – молодец, ты воплотил в себе чудовищ из сказок, какие мама рассказывала девочкам...

Но я тебе открою кое-что новое: ты не менее банален, чем любой другой. Еще один маленький человек, свершивший нечто жестокое, глупое и непристойное. История полна таких, как ты, в тебе нет ничего особенного. Твои деяния хороши для спонсоров, размещающих рекламу посреди теленовостей: ты позволишь им продать немного больше моющих средств, но это не обессмертит тебя. Сегодня все говорят о тебе, но скоро найдут другой отпад, другой кошмар, который привлечет их внимание. О тебе позабудут... Ты уже умер, хотя сам

об этом не подозреваешь. Осознаешь это через несколько лет, когда у тебя войдет в привычку считать время и ты вдруг поймешь, что здесь, внутри, у тебя даже отобрали возможность распорядиться собственной жизнью.

Как только Мила выложила ему эту горькую правду, татуированный снова задержался: положил руку на левый локоть, провел до запястья.

Потом двинулся прямо на Милу; та отпрянула.

Заключенный произнес вполголоса, свистящим шепотом:

– Свисстуун...

Мила вся задрожала от страха. Этого звука ей не забыть никогда. Он выйдет вместе с ней за эти стены, последует за ней на озеро, станет вплетаться в сказки, которые она рассказывает на ночь Алисе.

Пока бывшая сотрудница Лимба стояла, вся сжавшись от страха, Энигма принял первоначальную позу, сцепив руки на животе и сплетя пальцы. Полуденное солнце исчезло в единый миг, и в камере воцарился тяжелый сумрак.

И тут заключенный повернулся к ней спиной.

Мила поняла, что он прерывает встречу. Немного подождала, надеясь, что он передумает. Потом подняла руку и пригладила волосы. Те, кто наблюдал извне, распознали сигнал, и переборка перед стеклом начала опускаться, а через пять секунд щелкнул электронный замок на бронированной двери.

– Черт побери, Васкес, могла бы еще продержаться, – накинулся на нее Бауэр, едва она переступила порог.

Мила обошла его и обратилась к лейтенанту Ражабьян:

– Тут есть туалет? – Она скверно чувствовала себя, боялась, что ее вот-вот стошнит.

– В помещении охранников есть служебный, – ответила та.

Бауэр, взбешенный тем, что его игнорируют, преградил ей путь:

– Мы слышали слово, которое нам ничем не поможет. Что значит «свистун»? Я так и знал, что не надо было тебя вовлекать; к чему нам бывшая сотрудница Лимба?

Делакруа старался его сдержать:

– Успокойся, она не виновата, поищем другой след.

Но Мила, забыв о тошноте, развернулась и посмотрела ему в лицо:

– А я думаю, что он сказал нам все.

– Что за хрень, Васкес: ты бредишь?

– Этот нервный тик... Он почесал себе шею, потом висок. Потом ладонью разгладил складку на комбинезоне, в районе грудной клетки, и сделал вид, будто счищает пыль с левого плеча. Наконец, перед тем как отвернуться, дотронулся до локтя и запястья, опять же левых.

До Бауэра не доходило, но Делакруа все понял.

– Просмотрим снимки и выясним, какие числа соответствуют тем частям тела, на которые он указал... Может быть, ублюдок нам отправил послание.

5

Они отправились в Управление анализировать видеофайл.

Было несложно определить числа, которые заключенный указал жестами во время своей немой беседы с Милой.

Всего шесть.

Без какой-либо видимой связи. Случайная последовательность цифр.

Но и «свистун», единственное слово, произнесенное татуированным человеком, никак не вписывалось в контекст ситуации.

Разрешить головоломку Шаттон поручила лучшему криптографу из всех имевшихся в наличии.

Его прозвали Сёрф, потому что он любил заниматься сёрфингом и в жизни, и в Интернете. У него была слишком маленькая голова по отношению к плотному, могучему телу, поэтому казалось, будто его собрали как-то не так. Он даже зимой носил бермуды-карго и гавайские рубашки.

В своей специальности он не имел себе равных.

Лаборатория Сёрфа находилась в подвале Управления, единственном месте в здании, куда не провели центральное отопление. Она не была похожа на офис правительственного учреждения. Там стояли компьютеры, снабженные сложнейшими программами дешифровки, всюду громоздились книги, но также и валялись доски для сёрфинга, флаконы с добавками для наращивания мышечной массы; все было покрыто пылью. На стенах сплошным ковром висели постеры далеких экзотических пляжей, и все четыре письменных стола тонули в бумагах.

Однако во всем этом беспорядке для Сёрфа имелся какой-то смысл.

Он специализировался на дешифровке все более и более сложных кодов, с помощью которых осуществляла свои финансовые операции организованная преступность. Мила видела, как он работает, когда распутывалось «дело о кроссвордах». Серийный убийца каждый раз оставлял на месте преступления по кроссворду. Сёрфу удалось предусмотреть его следующий шаг, что позволило полицейским задержать преступника до того, как он нанес очередной удар.

– Книга Бытия: «И прошли семь лет изобилия, которое было в земле Египетской», – прочел Сёрф и оглядел присутствующих. – Вам это что-нибудь говорит?

Все молчали.

– Евангелие от Матфея: «По причине умножения беззакония во многих охладеет любовь», – процитировал Делакура.

Мила и Бауэр покачали головой. Шаттон эти слова тоже ничего не говорили. Коррадини отошел в сторонку выкурить электронную сигарету, но прислушивался к обсуждению, которое длилось уже около полутора часов.

Они испробовали десятки комбинаций без какого-либо удовлетворительного результата. Но предположение, что числа могут обозначать стихи из Библии, не было столь уж произвольным.

Среди основных категорий, на которые делятся убийцы и садисты, имеются «миссионеры», убивающие оттого, что считают, будто им поручено свыше очистить человечество от грехов, поражая тех, кто, на их взгляд, особенно мерзок. Обычно они выбирают жертвы среди геев и проституток, но также и среди вероломных жен и подкупленных адвокатов. И подписываются цитатами из Священного Писания.

– Нам, возможно, следует подойти с какой-то другой стороны, – высказалась Мила. – Наш подозреваемый не похож на проповедника.

– Ты-то откуда знаешь? – завелся Бауэр. – Вдруг убийца окружил себя ломаными компьютерами потому, что он фанатик технологий, а покарать Андерсонов решил за то, что они отрицали прогресс.

Милу удивляло, что в этой комнате кто-то еще мог рассматривать Энигму через призму душевной болезни. По ее мнению, несмотря на странности, убийца Андерсонов обладал высоким коэффициентом интеллекта, а главное, действовал отнюдь не импульсивно.

У него в голове имелся совершенно определенный план.

– Я продолжаю настаивать на том, что ключ ко всему – «свистун», – заявила Судья. – Обнаружив связь между словом и числами, мы найдем решение.

– Мы уже пробовали, – отозвался Сёрф. – Компьютер не нашел никаких зацепок.

– Компьютеры иногда ошибаются, – пробурчал Бауэр.

– Только не мой. – Сёрф подошел к доске, покрытой записями, и обалдело уставился на нее, сгорбив мускулистые плечи и свесив могучие руки. – Согласен, мы пока еще в самом начале, нам предстоит проделать немалый путь. – Сказав это, он вдруг принялся лихорадочно стирать ладонью написанное.

Может, не хочет заикливаться на чем-то одном, подумала Мила.

– Забудем Библию и предположим, что наш татуированный более утончен, – стал рассуждать эксперт, одновременно вытаскивая из кармана бермудов-карго все необходимое для того, чтобы свернуть косяк.

Шаттон запрокинула голову и оглядела свою команду: не разделяет ли еще кто-нибудь ее крайнего изумления. Но никто не сказал ни слова.

– Может быть, он использовал некий тайный язык чисел, – предположил криптолог, набивая папиросу травкой. – Может, наш друг в прошлом служил в армии или работал в секретных службах.

Но Делакруа сразу это исключил:

– В таком случае в наших архивах хранились бы его отпечатки пальцев и ДНК.

– А если он просто был математиком? – высказал Сёрф другую гипотезу, потом, забыв о косяке, прошел в другой конец комнаты и принялся рыться в запихнутых в картонную коробку пособиях, ненужные вышвыривая прямо на пол. – Помню, однажды я наткнулся на числовые системы – сложные, но достаточно интересные...

– И в чем интерес? – скептически спросил Коррадини.

– Сложное число состоит из двух частей, реальной и воображаемой, – объяснял Сёрф так, будто речь шла о самых обыденных на свете вещах. – Поэтому оно может быть представлено как комбинация обеих.

– Нельзя попроще? – буркнул Бауэр, как всегда, раздраженный.

Сёрф взглянул на него с серьезным видом:

– Не замечал ли ты, что иногда, набрав на калькуляторе длинную последовательность цифр, ты прочитываешь слева направо то, что у тебя получилось, и выходит неприличное слово? Вдруг наш татуированный просто хочет послать тебя в задницу, Бауэр?

Агент побагровел, хотел было ответить, но вмешалась Мила:

– Он нас презирает, считает, что мы не доросли, но он не стал бы использовать слишком сложный код: он хочет нас унижить, но в то же самое время хочет быть понятым. Иначе то, что он сделал, – его «творение», его «шедевр» – пропадет втуне.

– Она права, – согласился Делакруа. – Речь должна непременно идти о чем-то простом.

Сёрф задумался.

– О'кей, давайте снова посмотрим запись.

Он взял тележку с телевизором, по которому они много раз уже смотрели и пересматривали запись с Энигмой, сделанную в «Яме», и выкатил ее на середину комнаты. Захватил и фотографии татуировок. Надежда была на то, что, заново проанализировав все имеющиеся материалы, они смогут уловить оттенок, ранее ускользнувший, или же на них снизойдет озарение.

Сёрф включил DVD-плеер, и видеозапись, без звука, вновь появилась на экране.

Просматривая запись в энный раз, Мила испытала те же ощущения, что и вживую. Хотелось отвести взгляд, но она не стала этого делать. Все слишком серьезно, сказала она себе, надо выдержать во что бы то ни стало.

Энигма стоял посередине камеры, озаренный полуденным светом, словно мистическим ореолом. В таком ракурсе, снятый сверху, он внушал еще больший трепет.

– У него на теле – числа от нуля до девяносто девяти, и они повторяются, – уточнил Сёрф, скорее для самого себя, чем для присутствующих. – На основании повторов мы можем выделить четыре комплекса, или группы.

Он повторял то, что Мила уже слышала из уст Делакруа на утреннем брифинге и еще раз десять с тех пор, как они затворились здесь.

– Левый бок, правый бок, таз и нижние конечности, грудная клетка и голова, – перечислял Сёрф, просматривая фотографии с деталями татуировок, которые держал в руке.

Присутствующие слабо верят в то, что головоломка мгновенно разрешится, подметила Мила. А эксперт тем временем заново припоминал все жесты Энигмы.

– Он почесал шею, потом висок. Потом грудь и левое плечо. Наконец, локоть и левое запястье.

– Может, стоит пригласить кого-нибудь для консультации? – предложил Коррадини, первым потерявший надежду. – Привлечь спецслужбы.

Шаттон молча обдумывала предложение.

– По моему мнению, мы должны испробовать все, – продолжал советник Судьи.

Тут эксперт нажал на кнопку пульта дистанционного управления, чтобы вернуться к началу записи. Пока изображения быстро мелькали на экране, Мила уловила перемену в выражении лица криптолога. Сёрф что-то разглядел.

– Смотрите, – проговорил он наконец, и глаза у него заблестели.

Все уставились в телевизор.

– Что такое? Я ничего не вижу, – возмутилась Шаттон.

– Погодите, сейчас покажу все с начала...

Сёрф снова отогнал запись назад, по-прежнему в убыстренном темпе. В сцене, которая Миле все время казалась скорее статичной, действительно стали заметны изменения.

Тень Энигмы перемещалась по боковой стене камеры, следуя движению солнечного луча, проникавшего сквозь узкое окно. Феномен, который при нормальной скорости воспроизведения едва ощущался.

Никто пока не понял, почему это так важно, однако у Сёрфа, похоже, возникла какая-то мысль, поскольку он вскочил на ноги и прошел к одному из столов, заваленных бумагами. Выудив одну из них, вернулся к собравшимся.

Он держал перед собой план города и лихорадочно пожирал его глазами, пытаясь что-то найти.

– «Яма» расположена на северо-западе: окна камер выходят во внутренний двор, и свет попадает в них лишь ровно в полдень.

– Сёрф, объясни, наконец, к чему ты клонишь, – взмолился Делакруа: он, подобно всем прочим, сидел как на иголках.

Только до Милы дошло.

– Зная точное положение солнца в этот момент, Энигма показывает числа, дотрагиваясь сначала до груди и головы, потом до левой стороны тела: *север и восток*. – Потом добавила: – Как компас... Человек-компас.

– Боже правый, эти числа – географические координаты, – ахнула Шаттон.

– Широта и долгота, – подтвердил Сёрф, не в силах сдержать возбуждения. Он мгновенно присел к одному из терминалов и запустил программу поиска на местности. Все сгрудились вокруг него, дрожа от нетерпения.

– Попробую шестидесятеричный метод, – заявил он. – Градусы, минуты и секунды.

Чуть позже он вставил числа в соответствующее окно, появившееся на мониторе. Числа разделились на две группы из трех цифр: *север* и потом *восток*.

Программе понадобилось меньше секунды, чтобы выдать результат.

– Вот, пожалуйста, – объявил Сёрф, глядя на карту. – Старый нефтеперерабатывающий завод на заливе.

6

Все были убеждены, что Энигма показал место, где спрятаны трупы Андерсонов.

Но на самом деле никто не мог быть уверен, найдут ли они там что-нибудь. А если это очередной обман? Ведь они даже не знали, зачем убийца после расправы увез с собой останки жертв. Что, если это ловушка?

Шаттон не хотела рисковать: она распорядилась, чтобы спецназ сначала прочесал территорию бывшего нефтезавода, а уж потом коллеги там спокойно поработают.

Бауэр и Делакура присоединились к группе захвата, чтобы координировать операцию.

Управление бурлило. В боевых подразделениях и группах поддержки задействовали более двухсот человек.

Мила, как гражданское лицо, не могла принимать участия, но присутствовала при ритуале подготовки.

Полицейские надевали бронежилеты, шлемы; вооружались автоматами. Поскольку раздевалки не могли всех вместить, переоблачались везде: в туалетах, даже в офисах и в коридорах.

Пока мужчины проверяли снаряжение и застегивали друг на друге кевларовую броню, всюду царила напряженная тишина. Мила вновь погрузилась в наэлектризованную атмосферу затишья перед бурей. Она неожиданно затосковала по тем дням, когда была причастна к этим мужчинам и женщинам в мундирах: они принадлежали к единому сообществу, они все вместе гнали от себя страх смерти.

Судья подошла к ней.

– Хочу попросить тебя об одолжении, – сказала Шаттон. – Давай пока придержим историю о том, что Энигма и Карл Андерсон были знакомы.

Мила изумилась тому, что Шаттон употребила прозвище, которое сама запретила, но вовсе не тому, что она всячески пыталась замолчать самую неприятную подробность дела. Так или иначе, от нее следовало ожидать подобного хода: если бы информация просочилась в СМИ, это скверно бы отразилось на ее репутации.

– Наличие сходной татуировки на запястье Андерсона бросит тень на трагедию злополучного семейства, напрасно пятная память этих людей, разве не так?

Трудно с этим примириться, но ее бывшая начальница была права. Чем бы ни грешили мертвые, пусть это пребудет с ними. Кто такой Энигма, все равно не узнать, сказала Мила себе. И потом, меньше чем через пару часов я буду в поезде, который отвезет меня домой, где я смогу навсегда обо всем забыть.

– Ладно, – согласилась Мила.

– Даешь слово?

– Даю.

Шаттон обрадовалась.

– Хочешь, пойдем на командный пункт? – предложила она. – Двенадцать часов, которые ты мне предоставила, еще не истекли, – добавила Судья с иронией. – И думаю, ты это заслужила.

Миле хотелось сказать, что ей это ни к чему, но она бы солгала. Она приняла приглашение.

Войдя в зал, бывшая сотрудница Лимба огляделась. Присутствовали в основном начальники подразделений, их заместители и ассистенты, не считая обильно представленной представительственной администрации. Целая стена мониторов показывала прямую трансляцию с места событий, передаваемую через видеокамеры, вмонтированные в шлемы штурмовиков.

Джоанна Шаттон была единственной женщиной, занимавшей высокую должность, осознавала Мила. Понятно, что она всячески подчеркивала эффективность полиции, а главное, метода, носящего ее имя.

Мила устроилась на креслице где-то позади, а Судья начала краткую вступительную речь.

– В этом году отмечены значительные успехи в борьбе с преступностью, – произнесла она, обращаясь к гостям, все еще стоявшим посередине зала. – Число убийств сократилось на восемьдесят семь процентов, число изнасилований – даже на девяносто три. Банды присмирели, и мы все меньше видим наркоманов и распространителей наркотиков. Но самое важное – у горожан повысилось ощущение безопасности. Поэтому я должна сказать: то, что происходит в эти часы, следует считать исключением. Кроме того, я могу с гордостью утверждать, что мои люди проявили себя с лучшей стороны: виновный немедленно оказался в руках правосудия, и осталось лишь прояснить некоторые аспекты дела. Если, как мы все на то надеемся, вскоре отыщутся тела семьи Андерсон, дело можно считать закрытым... Увы, больше мы ничего не можем сделать для этих несчастных. Разве что прочесть молитву над их могилой и посулить вечную память.

Засим последовала тишина – настолько нарочитая, что Мила побоялась, что она вот-вот разрешится аплодисментами. Но ее нарушил Коррадини, обратившись к Шаттон.

– Судья, вот-вот начнется, – сообщил он.

Все расселись по местам.

Броневикам и патрульным машинам хватило четверти часа, чтобы пересечь город и добраться до заброшенного нефтезавода, который указал Энигма своей последней головоломкой. Крупномасштабный военный парад, заставивший застрять в пробках. Горожане не могли остаться в стороне от такой демонстрации силы: они толпились на улицах, выглядывали из окон, смотрели сквозь витрины магазинов, чтобы не пропустить это шествие полицейских. Разумеется, все показывали по телевизору.

Такое развертывание сил оправдывалось только одним, подумала Мила. Чем бы ни закончился поход на старый нефтеперегонный комплекс, что бы там ни нашли, это явится эпилогом к делу. Шаттон пресечет дальнейшие пересуды, бросающие тень на все благие дела, какими прославилось Управление под ее руководством. Энигма сидит в тюрьме, и о нем скоро забудут. Это шоу, этот фейерверк предназначены для славного финала.

Вот почему Судья не хочет упоминать о татуировке на запястье Карла Андерсона. Хотя Мила и обещала молчать, ей начинало казаться, что в этом нет ничего хорошего.

Тем временем подразделения спецназа рассыпались по периметру нефтеперерабатывающего завода и ожидали команды.

На его территории могли поместиться по меньшей мере шесть футбольных полей; кроме основного корпуса, там были ангары, от него отходящие, где в свое время располагалось оборудование, уже пришедшее в негодность. На молу стояли огромные цистерны, соединенные с нефтепроводом, – заржавленные гиганты, неподвижно застывшие вдоль берега, погруженные в сон. Из одиннадцати высоченных труб, выпускавших дым от перегонки нефти, осталось только семь, из-за них это место походило на призрачный собор.

Обычно то была ничейная земля, где ютились бездомные и наркоманы. Подразделениям спецназа был отдан приказ стрелять без предупреждения, поэтому перед штурмом было объявлено в мегафон, чтобы все покинули территорию и немедленно сдались властям.

На командный пункт по рации передали сообщение, что задержано восемьдесят шесть человек и все они будут подвергнуты самой тщательной проверке.

Больше не было причин ждать. Ровно в семнадцать часов Шаттон отдала приказ к началу операции.

Глядя на монитор, Мила переживала эти волнующие моменты так, будто сама участвовала в операции. Отдается гулкий топот тяжелых ботинок по неровной почве или по метал-

лическим лестницам, позвякивают автоматы и светошумовые гранаты, прикрепленные к бронежилетам, шумно дышат собаки, размеренно, несмотря на бушующий в крови адреналин, движутся тренированные бойцы.

Сигнал то и дело пропадал, а с ним и голоса Бауэра и Делакура, докладывавших о том, как проходит операция.

– Мы прочесали около шестидесяти процентов территории, – объявил первый через двадцать минут. – Аппаратура саперов не обнаружила присутствия С-четыре или других взрывчатых веществ.

Речь шла о мудреных электронных носках, способных унюхать подозрительные химические вещества. Хорошая новость, подумала Мила, которая все-таки боялась теракта. Например, взрыва грязной бомбы, изготовленной из того, что легко можно заказать в Интернете или даже приобрести в супермаркете. В конце концов, Энигме нечего терять: он уже заработал пожизненное заключение и ад в придачу; если бы он и захватил с собой с десяток полицейских, это ничего бы не изменило.

Шаттон не сидела в партере вместе со всеми прочими. Как хороший командир, она сняла пиджак делового костюма, закатала рукава шелковой блузки и, уперев руки в боки, стояла посреди зала, внимательно следя за тем, как разворачивается штурм.

Мила заметила, что начальница от волнения покусывает нижнюю губу. В конечном счете на кону была ее репутация.

– Собаки не учуяли на территории мертвых тел, и личный состав не докладывает о чем-либо чрезвычайном. Продвигаемся дальше, – объявил Делакура.

В его голосе явно звучало разочарование, которое передалось присутствующим.

Мила заметила, как Коррадини подходит к Судье и что-то шепчет ей на ухо. Может, они обговаривают, как смягчить поражение.

– Минуточку... это что за хрень? – проорал Бауэр прямо в рацию.

Взгляды присутствующих зажглись любопытством, все уставились в монитор. Шаттон отстранила советника, воодушевленная новой надеждой. Но когда наконец одна из видеокамер запечатлела сцену, градус настроения на командном пункте резко понизился.

– Что это значит? Что за шутки? – спросил чиновник высокого ранга, вставая с места.

В кадре было видно, как спецназ врывается в просторный ангар, совершенно пустой. Бойцы, опустив оружие, недоуменно переглядывались.

Перед ними, на стене площадью с десяток квадратных метров, красовалась надпись, сделанная спреем и поблекшая от времени: кто знает, сколько лет назад ее оставил здесь какой-то граффитист.

Одно только слово.

Свистун.

7

– Чего бы ты хотела на ужин?

– Не знаю, – отвечала Алиса.

– Раз уж я в городе, могу купить чего-нибудь особенного, чего на озере нет.

– Например?

– Скажем, что-нибудь из индийской кухни, овощное.

– Индийская кухня мне нравится, – обрадовалась девочка.

Было уже почти восемь вечера, и Мила хотела удостовериться, что мать Джейн, как они и договаривались, забрала Алису из школы вместе со своей дочерью. Через полчаса Саймон Бериш заедет за ней в Управление и отвезет на вокзал.

– Мама...

Мила терпеть не могла, когда Алиса так обращалась к ней: понимала, что этого не заслуживает.

– Да?

– Можно тебя попросить?

Боже милосердный, только бы опять не об отце.

– Конечно...

– Давай заведем другого котика?

Милу удивила такая просьба.

– Чем тебе Финци не подходит?

– Она ненавидит меня.

– Ничего подобного. И мы ее найдем.

– Хорошо, тогда можно мне айфон? Джейн подарят айфон на день рождения.

Невероятно, как устроен ум у детишек, как умудряются они перескакивать с одной раздражающей темы на другую.

– Ты знаешь, что я об этом думаю, – осторожно начала Мила, все еще не зная, что и сказать.

Они уже поднимали этот вопрос, но Алиса периодически к нему возвращалась, поскольку у всех ее школьных подружек были смартфоны и она себя чувствовала ущемленной. Мила не была уверена, что девочка достаточно взрослая для таких вещей. Ей пришли на ум Андерсоны, по собственной воле отказавшиеся от всякой электроники. Мы думаем, что владеем такими приборами, а на самом деле они владеют нами.

– Сегодня я виделась с дядей Саймоном, – сказала она, чтобы сменить тему.

– Хич там тоже был?

Мила знала, что тема собаки отвлечет Алису.

– Разумеется. Может, пригласить их к нам как-нибудь на выходные; что скажешь?

Мила не знала, верно ли она поступает, нарушая собственное правило больше не видеться с бывшими коллегами, но подумала, что в данный момент Алиса нуждается в дружбе взрослого мужчины, не зря же отец не сходит у нее с языка. А Саймон Бериш – самый задушевный друг, какого только можно себе представить.

– Дядя Саймон классный, – согласилась дочка. – Только скажи, чтобы он и Хича привез.

– Скажу, – заверила Мила и сбросила звонок.

Она двинулась по коридору Управления, теперь пустынному: накал страстей, ощущавшийся здесь несколько часов назад, остался лишь в воспоминании, которое омрачалось горьким привкусом поражения.

Все, что от нее требовалось, она исполнила, да и двенадцать часов, обещанные Шаттон, истекали.

Судья затворилась в кабинете со своей командой, обсуждая, как сохранить лицо при том обломе, который устроил ей Энигма.

Задействовать беспрецедентное количество людей и средств, чтобы ворваться в пустое пространство. Надпись на стене, красовавшаяся там кто знает с каких пор, тяготила, как невыносимое бремя, казалась нестерпимой насмешкой.

Свистун.

В ушах у Милы раздавалось злобное шипенье, с каким татуированный человек произнес это слово во время их встречи в тюрьме.

Ссвистуун...

Он бросился к ней, придвинулся к пуленепробиваемому стеклу, сверля ее взглядом. И у Милы было впечатление, будто от одного этого шепота рухнет преграда, разделяющая их.

Она решила больше не думать об этом, боялась, что жуткий голос что-то вложит ей в голову – звуковой вирус или паразита, способного вырыть себе нору в ее мыслях.

Направляясь к выходу, она прошла мимо открытой двери в лабораторию. Человек пятьдесят айтишников сидели на рабочих местах и проверяли старые компьютеры, вывезенные со свалки, которую устроил у себя Энигма.

Их подсоединили к самым современным и продвинутым машинам, которые сканировали остатки памяти и переводили на хитроумные жидкокристаллические мониторы. Каждый из айтишников прочитывал информацию в своем.

Движимая любопытством, Мила переступила порог.

На мониторы выносило всякую всячину. Письма, текстовые документы, фотографии. Улыбающиеся незнакомые лица, неведомые пейзажи, изображения летнего отдыха и повседневной жизни. Счастье и печаль вперемешку. Письма любовные и деловые, договоры, страховые полисы, списки подарков на свадьбу или на день рождения, билеты на самолет или на поезд, адреса и номера телефонов.

– Невероятно, как мы разбрасываемся нашими жизнями.

Обернувшись, Мила увидела Делакруа.

– Покупаем компьютер, вкладываем в него всю нашу подноготную, а потом, когда он ломается, выбрасываем, даже не думая, что там, внутри, вместе с микросхемами содержится вся наша жизнь.

– Нашли что-нибудь интересное? – спросила бывшая сотрудница Лимба.

– Просматривают в который раз, но, кажется, в памяти нет ничего, что касалось бы Энигмы.

Недолго Мила тешилась иллюзией, будто можно отыскать что-то полезное в этой гряде технологических отходов.

– Значит, ты уходишь, – заключил полицейский.

– Вроде да, – пожала она плечами.

– Наверное, мы больше ничего не узнаем об этой истории, – с горечью отметил Делакруа. – И татуированный человек навсегда останется без имени.

Такое случалось чаще, чем можно вообразить: расправа кровавая, но опереться не на что, и неумолимое время уничтожает улики. Полицейские говорят, что, если дело не раскрыть за первую неделю следствия, его судьба предрешена.

– По крайней мере, виновный сидит в тюрьме, – утешила его Мила.

О телах Андерсонов никто из них речи не завел, оба боялись, что трупы так и не найдут.

– Было приятно работать с тобой, Васкес.

Она была уверена, что Делакруа говорит искренне, ведь он единственный из бывших коллег не давал ей на каждом шагу понять, что она – чужая.

– Но в другой раз не отключай мобильник или заведи электронный адрес, – добродушно пожурил он Милу. – Вчера мы никак не могли с тобой связаться, и Судья рвала и метала.

– Другого раза не будет, – отрезала Мила. – И в задницу Судью: хочет поговорить со мной, пусть приезжает лично.

Делакруа развеселился.

– На улице льет как из ведра, – предупредил он и пошел к айтишникам заниматься делом.

Мила продолжила путь и вскоре вернула охраннику бейдж с надписью «посетитель». И почувствовала себя снова на свободе.

Она прошла через длинный портик здания. Сквозь стеклянные двери было видно, как над городом беснуется буря. Выйдя на улицу, Мила тут же увидела малолитражку Бериша, ждущую ее на углу с включенным мотором.

– Ну как прошел день? – спросил старый друг, едва Мила села в машину.

– Я уж не чаяла, когда он кончится, – заявила та, ведь именно такие слова Бериш хотел услышать.

Дождь хлестал по ветровому стеклу, дворники не справлялись, и дорогу было видно плохо. В салоне было уютно и тепло, но от мокрой шерсти Хича исходил пронзительный запах, а в сочетании с женскими духами, которые Мила распознала еще утром, эффект получался и вовсе сногшибательный.

Бериш встроился в хаос, царивший на дорогах в пятницу вечером. Офисы недавно закрылись, люди высыпали наружу и теперь торопились домой, чтобы скорее начать уик-энд.

– Тебя впутали в дело Энигмы, верно? Теперь-то уж можешь поделиться...

– Чем меньше ты об этом знаешь, тем лучше для тебя, – заявила бывшая коллега и тут же сменила тему, поскольку больше не хотела говорить о делах. – Я обещала Алисе привезти на ужин индийской еды, но такими темпами того гляди на поезд опоздаю. Ты не можешь ехать быстрее?

Проигнорировав просьбу, Бериш продолжал гнуть свое.

– Хитроумный план вашего противника увенчался тем, что он вам натянул нос, – сказал он свое веское слово.

И был прав. В какой-то момент, после истории с географическими координатами, Мила подумала, что Энигма – противник с утонченным, развитым интеллектом. Она забыла, что речь идет всего-навсего об убийце, погубившем невинных людей. Или не хотела об этом помнить. Как всем и каждому, ей было трудно принять тот факт, что зло банально.

«Кто знает, почему мы всегда воображаем дьявола хитрым, – говаривал отец ее дочери, лучший криминолог из всех, кого она знала. – Может, потому, что иначе мы бы горько сетовали на то, что не сумели его остановить».

Тем временем впереди образовалась пробка.

– Вот черт, не надо было ехать через центр, – ругнулся Бериш, проклиная себя. Потом, улучив момент, встроился в первый ряд и припарковался у тротуара.

– Что ты делаешь? – удивилась Мила.

– Здесь рядом есть индийский ресторан, они наверняка продают еду навынос. – Выходя из машины, он повернулся к Миле и подмигнул ей. – Не хочу огорчать мою маленькую племянницу.

– Выбери вегетарианские блюда, – напутствовала его Мила, потом смотрела, как он уходит в бурю, прыгая через лужи, опустив плечи, словно сгибаясь под тяжестью дождя.

Оставшись одна, Мила включила указатели поворота с обеих сторон, сигнализируя другим водителям, что машина стоит. Хич спал на заднем сиденье и слегка похрапывал. Его размеренное дыхание, писк поворотников, перестук дождевых капель по крыше чудесным образом успокоили ей нервы. И в этом душевном покое начали вызревать мысли. Мила отстранилась от окружающего и погрузилась в свою внутреннюю тишину.

Дело Андерсонов – крайне запутанное. Все имеющиеся в наличии данные, элементы, улики, показания не согласуются между собой. Невозможно вычислить «замысел», скрывающийся за резней.

Всем правит *хаос*.

Но ведь числа предполагают порядок, точность, аккуратность, сказала она себе. Человек, покрытый числами, не мог подчиниться слепому инстинкту, велящему убивать, обстоятельствам, року. Он презирует хаос. Иначе не расписал бы себя подобным образом.

Так в чем же замысел?

Не отдавая себе отчета, она делала то, чего не делала давно: имевшуюся в ее распоряжении информацию раскладывала по клеточкам в поисках соответствий.

На мгновение она вышла из раздумий, вдруг поняв, что без записей не обойтись. Огляделась, по наитию открыла бардачок: Бериш, хороший полицейский, обязательно должен держать в автомобиле блокнот и ручку. Так и есть.

Мила пролиستала тетрадку, нашла первый чистый листок и принялась составлять перечень.

– *Кровь*

– *Тела*

Мы знаем, что имела место резня, но не знаем, куда подевались жертвы. Значит, какая-то часть истории нам неизвестна. Но какой смысл убийце прятать тела, когда кровь, пролитая на ферме, указывает на бойню? То есть либо убийца пытается скрыть от самого себя то, что он совершил, – ведь многие психопаты, совершив убийство, испытывают ужасное чувство вины, – либо убрать трупы для него необходимо, это решающий фактор. Поведение Энигмы заставляет склоняться в пользу второй гипотезы.

– *«Слеза ангела»*

От крови жертв переходим к крови Энигмы, в которой обнаружены следы синтетического наркотика, галлюциногена.

– *Татуировки*

– *Числа*

На теле Энигмы и на запястье Карла Андерсона вытатуированы числа. Из этого можно сделать вывод, что они были знакомы.

Но какую роль играют вытатуированные цифры?

Энигма использовал их, чтобы указать нам географические координаты, которые, однако, нас привели в место, где ничего не было, кроме граффити, одного-единственного слова без всякого смысла.

– *Свистун*

Что оно значит? Это – сообщение или просто насмешка? Это слово Энигма произнес во время их краткой встречи в «Яме», ввергнув ее в глубокое смятение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.